

ПОЛ СТЮАРТ & КРИС РИДДЕЛЛ

ХРОНИКИ КРАЯ

← ГРОМОБОЙ →

Хроники Края

Крис Ридделл

Хроники Края. Громобой

«АСТ»

1999

УДК 821.111
ББК 84(4)

Ридделл К.

Хроники Края. Громобой / К. Ридделл — «АСТ»,
1999 — (Хроники Края)

Все чаще и чаще прислушиваются жители Санктафракса к пугающему скрипу старых цепей, которыми летающий город прикреплен к скале Края. Еще немного, и последняя цепь порвется, обрекая на гибель величественный город. Для его спасения достаточно несколько крупинок грозофракса – но кто отважится преследовать Великую Бурю, рискуя кораблем, экипажем и собственной жизнью? В былые времена Рыцари-Академики считали это своим почетным долгом. А сейчас только Прутик – самый молодой капитан воздушных пиратов – способен на такое безрассудство. По велению сердца, а не ради титулов и славы снаряжает он «Громобой» в самый опасный и, возможно, последний поход.

УДК 821.111

ББК 84(4)

© Ридделл К., 1999

© АСТ, 1999

Содержание

Пролог	7
Глава первая	9
Глава вторая	19
Глава третья	38
Глава четвертая	52
Глава пятая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Крис Ридделл, Пол Стюарт Хроники Края. Громобой

Paul Stewart and Chris Riddell
STORMCHASER

First published as “The Edge Chronicles 5: Stormchaser” by Random House Children’s
Publisher UK, a division of The Random House Group Ltd.

Copyright © Paul Stewart and Chris Riddell, 1998

© К. Чернова, перевод на русский язык, 2015

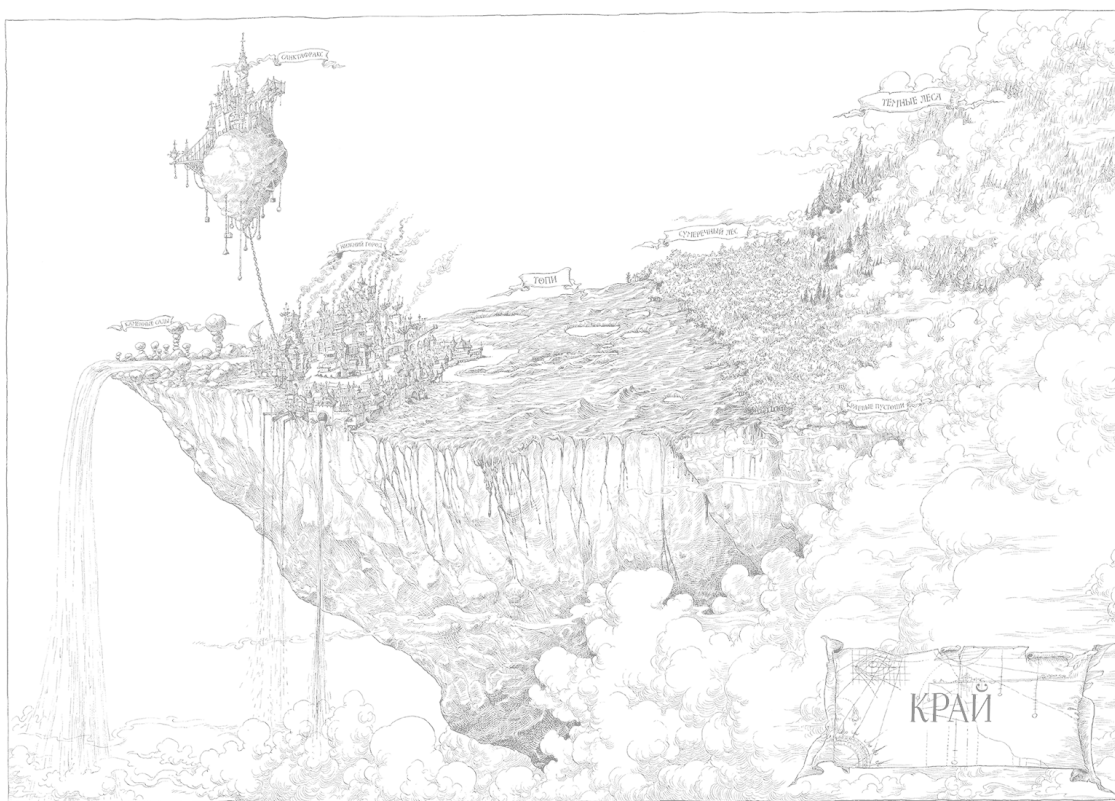
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

THE EDGE CHRONICLES

ХРОНИКИ КРАЯ

*Посвящается
Джозефу и Уильяму*

Пролог

Далеко-далеко, подобно фигуре на носу могучего каменного корабля, нависает над бездной Край. Широкая вздымающаяся река – Река Края – нескончаемо течет и обрушивает свои воды с отвесной скалы в пустоту. Ее исток находится в глубине Края – высоко в горах, в темных и опасных Темных Лесах.

За опушкой великого леса, где снижаются облака, начинаются Краевые Земли – голая бесплодная земля, где в клубящейся мгле обитают призраки и ночные кошмары. У того, кто заблудился здесь, выбор небольшой: счастливчик доберется до обрыва скалы и сделает шаг навстречу смерти, а неудачник окажется в Сумеречном Лесу.

Залитый вечным золотым полусветом, Сумеречный Лес прекрасен – и коварен. Его воздух одурманивает. Тот, кто вдыхает его слишком долго, теряет рассудок и не помнит, кто он и зачем пришел, как сказочные затерявшиеся рыцари, которые давно забыли о своей цели и отказались бы от жизни, если бы жизнь отказалась от них.

Время от времени тягостное спокойствие Сумеречного Леса нарушают бури и ураганы, прилетающие из запредельной бездны. Бури кружатся в раскаленном небе, как мотыльки, летящие на пламя, иногда по несколько дней. Бывают особенные бури. Снопы молний превращаются тогда в грозофракс – бесценный минерал, который многих притягивает в Сумеречный Лес, несмотря на ужасы и опасности последнего.

Сумеречный Лес сменяют Топи. Это смрадное и гнилое место, куда бесчисленные мастерские Нижнего Города вываливали свои отходы так долго, что земля в конце концов умерла. И все же здесь, как и в других уголках Края, кто-то живет. С красноватыми глазками и такие же белые, как и окружающая их земля, обитатели Топей рыскают по болоту в поисках падали.

Тот, кто сумеет одолеть Топи, окажется в муравейнике из ветхих лачуг, выстроившихся на берегу медленно текущей реки. Это Нижний Город. Его узкие улочки заполняют люди и существа со всех концов Края. Грязный, перенаселенный и жестокий, Нижний Город является центром всей экономической жизни Края, как открытой, так и тайной.

Он жужжит, суется, гудит – энергия в нем бьет ключом. Каждый, кто здесь живет, занимается каким-либо ремеслом или торговлей в четко обозначенных пределах своего района, являясь членом соответствующей Лиги. Это ведет к интригам, заговорам, жестокой конкуренции и непрекращающимся раздорам. Единственное, что объединяет всех, – это страх и ненависть к пиратам, которые господствуют в небе Края на своих воздушных кораблях и грабят каждого несчастного торговца, попавшегося им.

В центре Нижнего Города можно обнаружить гигантское железное кольцо, от которого уходит в небо длинная и тяжелая цепь, то натягивающаяся, то провисающая. Цепь эта удерживает великую летучую скалу.

Как и все прочие летучие камни Края, она родилась в Каменных Садах. Однажды появившись из земли, она росла и увеличивалась в размерах, снизу подталкиваемая другими летучими камнями. Когда она стала достаточно большой и легкой, чтобы подняться в небо, к ней прикрепили цепь. На этой скале и был построен прекрасный город Санктафракс.

Санктафракс с его высокими изящными башнями, соединенными между собой виадуками и галереями, является местом знаний и учености. Он населен академиками, алхимиками и их учениками и оборудован библиотеками, лабораториями, аудиториями и комнатами отдыха. Науки, изучаемые здесь, ревниво охраняются. Несмотря на кажущуюся атмосферу старомодной, чинной доброжелательности, Санктафракс бурлит, исполненный соперничества, заговоров, интриг и борьбы.

Темные Леса, Краевые Земли, Сумеречный Лес, Топи и Каменные Сады, Нижний Город и Сантафракс, Река Края – названия на карте.

Но за каждым скрываются тысячи легенд, записанных в древних свитках, легенд, передаваемых из поколения в поколение силой живого слова.

Вот одна из них.

Глава первая

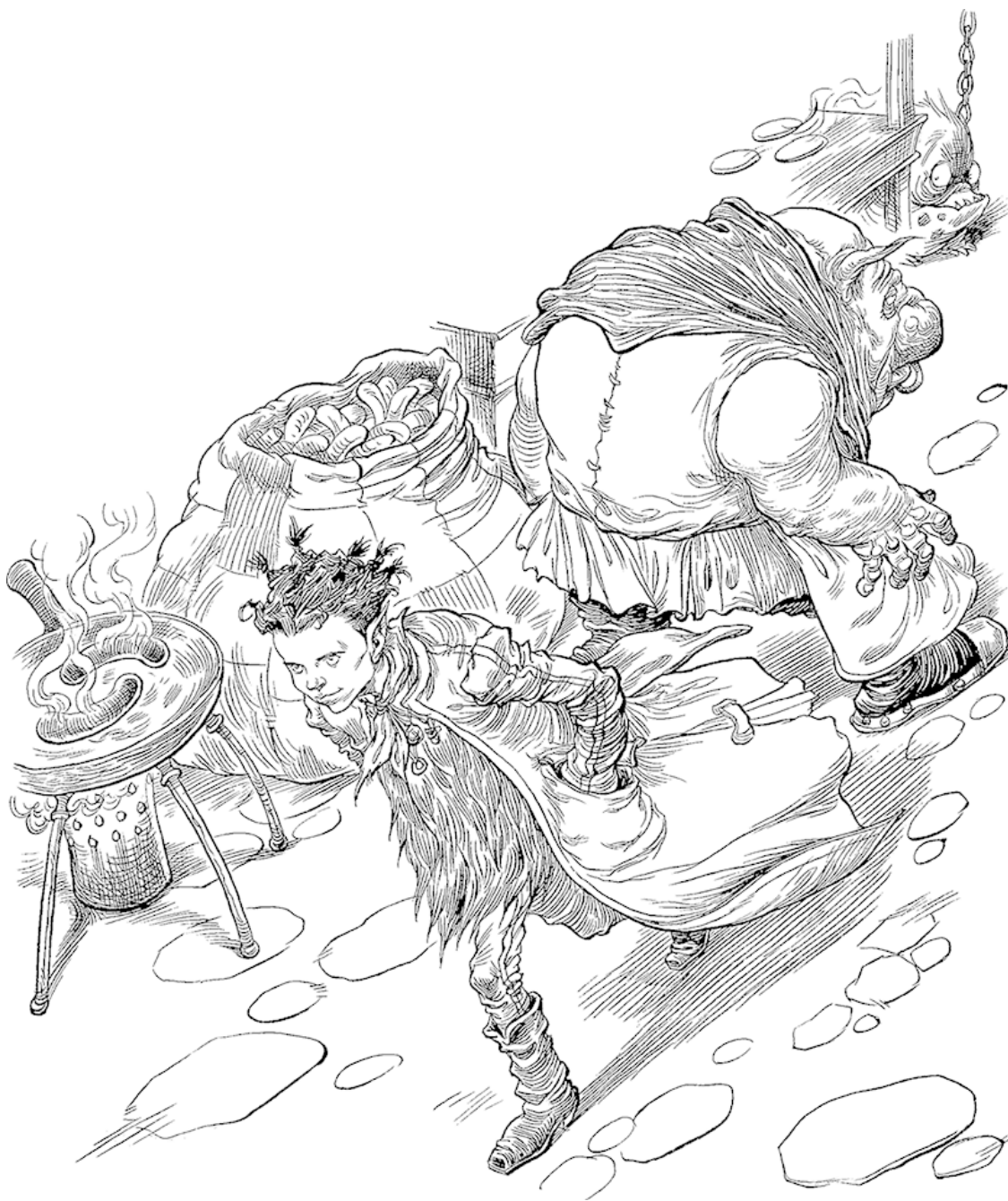
Встреча

Был полдень, и Нижний Город жил привычной будничной суетой. Повсюду торговались и что-то меняли, бродячие актеры и музыканты давали представления, разносчики товара, надрывая глотку, убеждали не пропустить свой шанс, а попрошайки в темных углах жалостливо выпрашивали милостыню, хотя редко кто останавливался, чтобы бросить им в шляпу монетку. Каждый бежал сломя голову и был слишком поглощен собственными заботами, чтобы тратить время на чужие.

Попасть из пункта А в пункт Б как можно скорее, суметь сорвать куш, оставив конкурента ни с чем, – вот к чему сводились чаяния и стремления обитателей Нижнего Города. Чтобы выжить здесь, надо иметь стальные нервы и глаза на затылке, надо уметь улыбаться даже тогда, когда наносишь удар в спину. Жестокая, грубая, беспощадная жизнь...

Прутик быстро шел по рыночной площади от бон-доков не потому, что куда-либо торопился, а потому что атмосфера лихорадочной суеты города заражала каждого. Он прекрасно знал, что тот, кто не способен бежать вместе с толпой, будет сбит с ног и растоптан. «Не смотри в глаза», «не показывай свои слабости», «иди вместе со всеми» – вот главные заповеди Нижнего Города.

Из-за жары Прутик чувствовал себя отвратительно. Солнце, хотя и скрытое завесой душливого дыма, поднимавшегося от литейных мастерских, палило нещадно. Ветра не было, и казалось, что уличный воздух представляет собой фантастическую смесь всевозможных запахов. Это были запахи забродившего лесного эля и выдержанного сыра, горелого молока и варящегося клея, соснового кофе и шипящих в масле тильдяхчих колбасок.

И как всегда, пряный аромат жареных колбасок вернул Прутика в детство. Каждую Ночь Чудес на пиру в деревне лесных троллей взрослые угощались супом из тильдячьих колбасок. Как давно это было, каким далеким кажется теперь! Та жизнь была совсем иной – замкнутой, размеренной и неторопливой. Прутик улыбнулся своим воспоминаниям. Но нет, он никогда не вернется к той жизни. Ни за что на свете!

По мере того как он продолжал свой путь по рыночной площади, соблазнительный аромат колбасок становился слабее и его сменил новый запах, пробудивший рой совсем других воспоминаний. Это был кисловатый запах недавно выдубленной кожи. Прутик остановился и огляделся.

У стены стоял некто высокого роста, с малиновыми волосами и кроваво-красной кожей душегубца. На перекинутом через плечо ремне у него висел поднос, полный кожаных амулетов и талисманов на шнурках, которые он продавал, точнее, *пытался* продать.

– Амулеты на счастье! – выкрикивал он. – Возьмите амулет на счастье!

Никто не обращал на него внимания, и когда душегубец подходил к кому-нибудь, норовя приладить ему амулет на шею, прохожие – будь то гоблин, тролль или кто-то другой – раздраженно от него отмахивались.

Прутик с грустью наблюдал за ним. Этот душегубец, как и многие другие обитатели Темных Лесов, наслушавшись сказок о том, что улицы Нижнего Города усыпаны золотом, открывал для себя теперь совершенно другую реальность. Вздохнув, Прутик повернулся и уже пошел было дальше, как вдруг в этот миг какой-то опустившегося вида глыботрог в жалких лохмотьях и тяжелых башмаках пронесся мимо, чуть не сбив разносчика с ног.

– Амулетик на счастье? – весело сказал душегубец и сделал шаг вперед, держа наготове кожаный шнурок.

– А ну убери свои кровавые лапы! – взревел глыботрог и в ярости отпихнул душегубца.

Душегубца развернуло, и он с размаха шлепнулся на землю. Счастливые амулеты разлетелись в разные стороны.

Когда глыботрог удалился, гремя башмаками и злобно ругаясь под нос, Прутик бросился к душегубцу.

– С вами все в порядке? – спросил он, нагнувшись, чтобы помочь тому подняться.

Душегубец перевернулся, сел и, моргая, смотрел на Прутика.

– Какая грубость! – пожаловался он, затем отвел взгляд в сторону и начал собирать свои безделушки, раскладывая их на подносе. – Я всего лишь стараюсь честно заработать свой кусок хлеба.

– Да, должно быть, это нелегко, – сочувственно произнес Прутик. – Особенно вдали от родных Темных Лесов.

Прутик хорошо знал душегубцев. Однажды ему довелось жить в их лесной деревне, и с тех самых пор он носил не снимая жилет из шкуры ежеобраза, который был ему там

подарен. Душегубец взглянул на него. Прутик дотронулся до своего лба в знак приветствия и снова протянул ему руку.

На этот раз, вернув амулеты на место, душегубец взял протянутую ему руку и поднялся на ноги. Он также прикоснулся рукой ко лбу.

– Меня зовут Тендон, – произнес он. – Благодарю тебя за внимание. Никто здесь не потратит на тебя ни капельки времени. – Он шмыгнул носом. – Я, конечно, не думаю, что... – Он не договорил.

– Что? – поинтересовался Прутик.

Душегубец пожал плечами:

– Ну, я просто хотел узнать, не желаешь ли *ты* купить один из моих амулетов на счастье?

И Прутик улыбнулся, когда, не дожидаясь ответа, душегубец выбрал один из кожаных талисманов и протянул ему:

– Как тебе этот? Он очень-очень сильный.

Прутик взглянул на затейливую спираль, вытисненную на темно-красной коже. Он знал, что у душегубцев каждый рисунок или узор на амулетах имеет значение.

– Тот, кто носит такой амулет, – продолжал душегубец, завязывая шнурок на шее Прутика, – освобождается от страха перед известным.

– А перед неизвестным? – спросил удивленный Прутик.

Душегубец фыркнул.

– Неизвестного бояться только дураки и слабаки, – промолвил он. – А ты не похож ни на того, ни на другого, – добавил он. – По-моему, то, что известно, пугает гораздо сильнее. А если ты спросишь, сколько с тебя, то это будет шесть монет.

Прутик полез в карман.

– Конечно, если у тебя не найдется немного пылефракса, – заговорщическим шепотом добавил душегубец. Он посмотрел на серебряный медальон в форме шара, висевший у Прутика на шее. – И крупинки его было бы достаточно.

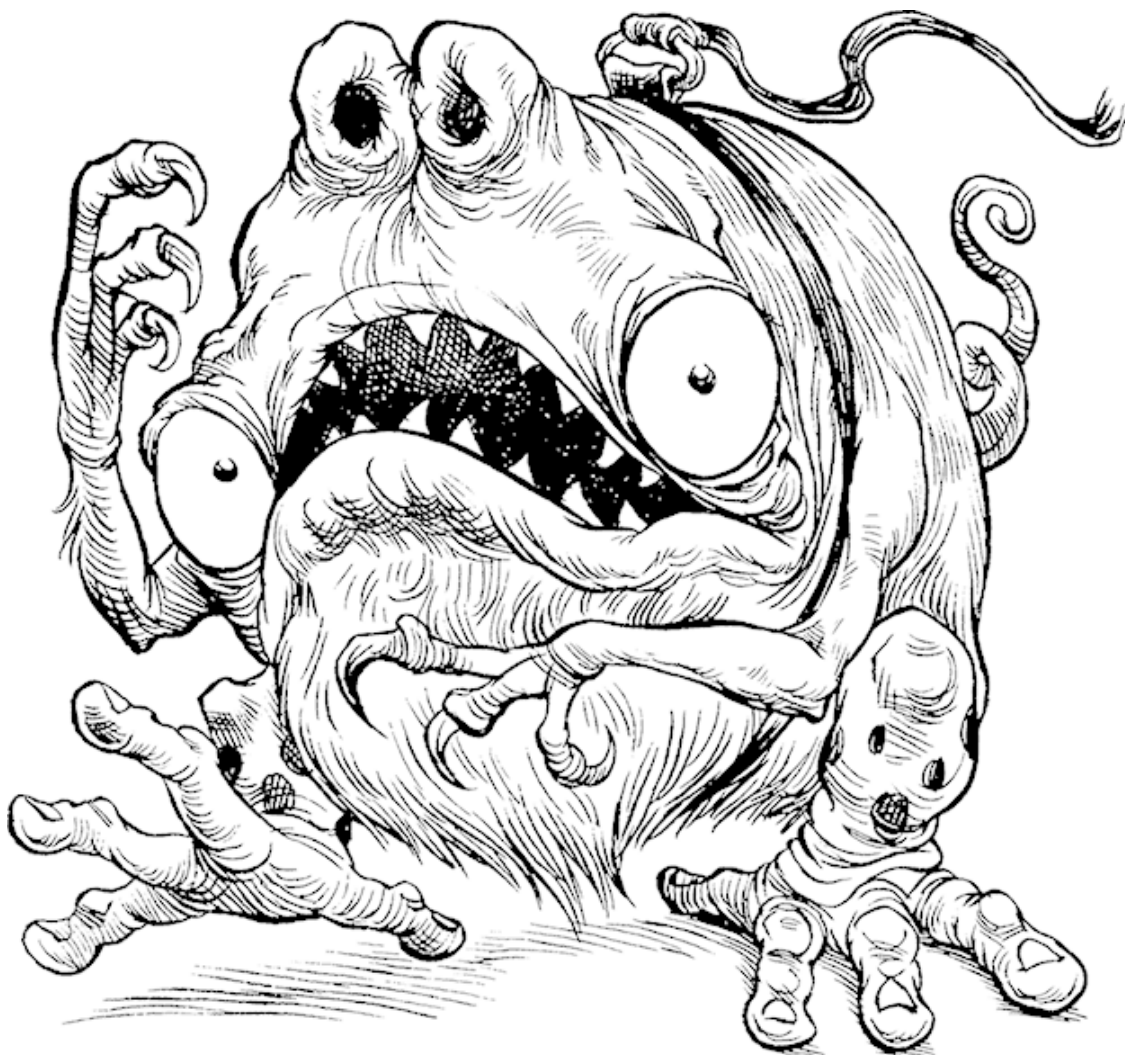
– Извини, – сказал Прутик, отсчитывая монеты в протянутую кроваво-красную ладонь. – Чего нет, того нет!

Душегубец покорно развел руками.

– Да я просто так спросил... – пробормотал он.

С новым амулетом на шее, который занял место среди других, собранных за многие годы, Прутик продолжил свой путь по лабиринту узких петляющих переулков.

Он как раз проходил мимо небольшого зверинца, откуда доносился тяжелый запах отсыревшей соломы и разогретых шкур, когда навстречу ему рванулось, оскалив зубы, маленькое и злобное с виду существо. Прутик инстинктивно попятился, но через мгновение рассмеялся, когда, натянув поводок, существо запрыгало вверх-вниз на одном месте, радостно похрюкивая. Это был детеныш зубоскала-ищейки, и ему хотелось играть.

– Привет, малыш! – поздоровался Прутик и присел на корточки, почесывая игривого детеныша за ухом. Зубоскал заурчал от удовольствия и повалился на спину. – Ах ты, тюфяк! – воскликнул Прутик.

Он знал, что это скоро пройдет. Взрослые зубоскалы были как выучными животными, так и любимыми охранниками тех, у кого есть что сторожить.

– Эй! – слышался скрипучий и в то же время настойчивый шепот. – Ну зачем ты тратишь время на этот рассадник блох? Иди-ка лучше сюда.

Прутик огляделся. Кроме зубоскала, перед ветхим фасадом лавки, торгующей живностью, было выставлено множество всяких существ: мохнатых, крылатых, чешуйчатых, а также несколько мелких троллей и гоблинов, прикованных к стене. Но было непохоже, чтобы кто-то из них только что говорил.

– Ну сюда же, Прутик! – Голос раздался снова, на этот раз с ноткой нетерпения.

Мальчик похолодел от страха. Кем бы ни оказался тот, кто говорил, но он знает его имя!

Прутик поднял глаза и выдохнул от изумления:

– Птица-Помогарь!

– Совершенно верно, – прошептала та и неуклюже повернулась на жердочке. – Приветствую тебя!

– Приветствую в ответ, – промолвил Прутик. – Но как...

– Говори тише, – прошипела птица, кивком указав на дверь лавки. – Не хочу, чтобы Жиропот догадался, что я умею говорить.

Прутик кивнул и проглотил горький комок. Как могло столь благородное создание очутиться в таком убогом месте? Это же Помогарь, Прутик присутствовал при ее вылуплении из яйца... Кто посмел лишить ее свободы и посадить в клетку, которая по размерам едва ли больше самой птицы, и поэтому той приходится сидеть съежившись на жердочке, просунув свой величественный клюв между прутьями, будучи не в состоянии ни выпрямиться, ни расправить крылья?

– Я выпущу тебя, – сказал Прутик, вытаскивая из-за пояса нож. Он просунул тонкое лезвие в замочную скважину и начал лихорадочно вертеть им.

– Скорее, скорее! – торопила птица. – И во имя Неба, берегись, чтобы Жиропот не увидел!

– Сейчас. Вот-вот... – бормотал Прутик, стиснув зубы. Но замок никак не поддавался.

В этот миг раздался оглушительный треск. К-р-рэк!!! Прутик в тревоге обернулся. Он понял, что случилось. Такое происходило в Нижнем Городе довольно часто. Аварийные цепи, которые помогали удерживать летучий город Санктафракс на месте, от неимоверного натяжения постоянно разрывались.

– Еще одна лопнула! – раздался чей-то крик.

– Берегись!!! – завопил другой.

Но было уже поздно. Лопнувшая цепь падала, издавая совершенно неуместный при этом нежный и мелодичный звон. На улице все бросились врассыпную, мешая друг другу.

Цепь рухнула. Раздался чей-то вопль. Затем воцарилась тишина.

Когда осела пыль, Прутик увидел, что крыша находящейся напротив лавки скобяных изделий смята. Два торговых лотка сровняло с землей. А посреди улицы лежал несчастный, которого задавило тяжестью разорвавшейся цепи.

Прутик уставился на знакомые жалкие лохмотья и башмаки. Это был тот самый глыботрог! «Тебе следовало бы прислушаться к словам душегубца», – подумал Прутик, прикоснувшись к амулету на шее. Но теперь уже было поздно. Удача отвернулась от глыботрога навсегда.

– Ох-ох-ох, – услышал Прутик вздохи Птицы-Помогарь. – Ситуация становится критической.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Прутик.

– Ну, это долгая история, – произнесла птица. – И к тому же...

– Эй! – раздался хриплый голос. – Ну что, покупаешь эту птичку или как?

Прутик обернулся, легким, незаметным движением спрятав нож в рукав, как он это обычно проделывал. Напротив него, подбоченясь и широко расставив ноги, высилась грузная фигура хозяина лавки.

– Я... я просто отскочил сюда, когда цепь лопнула, – нашелся Прутик.

– Гм, – хмыкнул Жиропот, оглядывая причиненные цепью повреждения. – Плохо дело. А все из-за кучки этих так называемых академиков. Что нам с них проку? Паразиты они все, вот что! Знаешь, будь моя воля, я бы перерезал все эти цепи и отправил этот самый Санта-

фракс в открытое небо. Скатертью дорога! – добавил он с горечью, вытирая блестящее от пота лицо грязным носовым платком.

Прутик онемел от изумления. Никогда он не слышал, чтобы кто-то говорил подобное об академиках летающего города.

– Ладно уж, – продолжал Жиропот, – все-таки мое добро не пострадало, так ведь? Хотя на этот раз, по крайней мере. Ну так как, интересует тебя это пернатое или нет? – спросил он хриплым голосом.

Прутик бросил взгляд на грязную и потрепанную птицу.

– Я ищу себе хорошего собеседника.

Жиропот невесело фыркнул.

– Ну, из этой твари ты и слова не вытянешь, – бросил он презрительно. – Она тупая и толстая. Хотя, пожалуй, попробуй... я бы мог уступить ее тебе по весьма умеренной цене. – Жиропот резко повернулся. – Я сейчас занят в лавке с другим клиентом, – бросил он, уходя. – Крикни, если понадобится помощь.

– Да, тупой и толстый! – воскликнула Помогарь, когда Жиропот удалился. – Какая наглость! Какая беспардонная дерзость! – Тут взгляд птицы остановился на Прутике. – Нечего стоять сложа руки и ухмыляться под нос! – накинулась она на мальчика. – Открывай клетку, да поживее!

– Ну уж нет, – ответил Прутик.

Помогарь растерянно уставилась на него, склонив голову набок, насколько это позволяла клетка.

– Нет?!

– Нет, – спокойно повторил Прутик. – Сначала я хочу услышать эту твою *долгую историю*. «Ситуация становится критической» – вот что ты сказала. Я хочу знать почему. Я хочу знать, что случилось.

– Выпусти меня, и я расскажу тебе все, – пообещала Помогарь.

– Нет, – сказал Прутик в третий раз. – Я тебя хорошо знаю. Ты улетишь, как только я открою клетку, и только небо знает, как долго я тебя потом не увижу. Сначала расскажи мне историю, и *тогда* я тебя освобожу.

– Ах ты, наглый щенок! – Помогарь не на шутку разозлилась. – И это после всего, что я для тебя сделала!

– Говори тише, – предупредил Прутик, оглядываясь на дверь лавки, – а то Жиропот тебя услышит.

Птица прикрыла глаза. Прутик решил, что она намерена молчать. Он уже готов был сдаться, когда Помогарь внезапно открыла клюв.

– Все это началось давным-давно, а если точно, то двадцать лет назад, – начала она. – Когда твоему отцу было едва ли больше, чем тебе сейчас.

– Но получается, что это было еще до твоего рождения?

– Мы, Помогари, видим одни и те же сны, ты, разумеется, знаешь об этом, – ответила птица. – И то, что знает один, знают все. Но если ты собираешься перебивать меня все время...

– Нет-нет, молчу! – поспешил заверить ее Прутик. – Извини, пожалуйста. Я больше не буду.

Помогарь раздраженно хмыкнула:

– Ну смотри же, не перебивай!

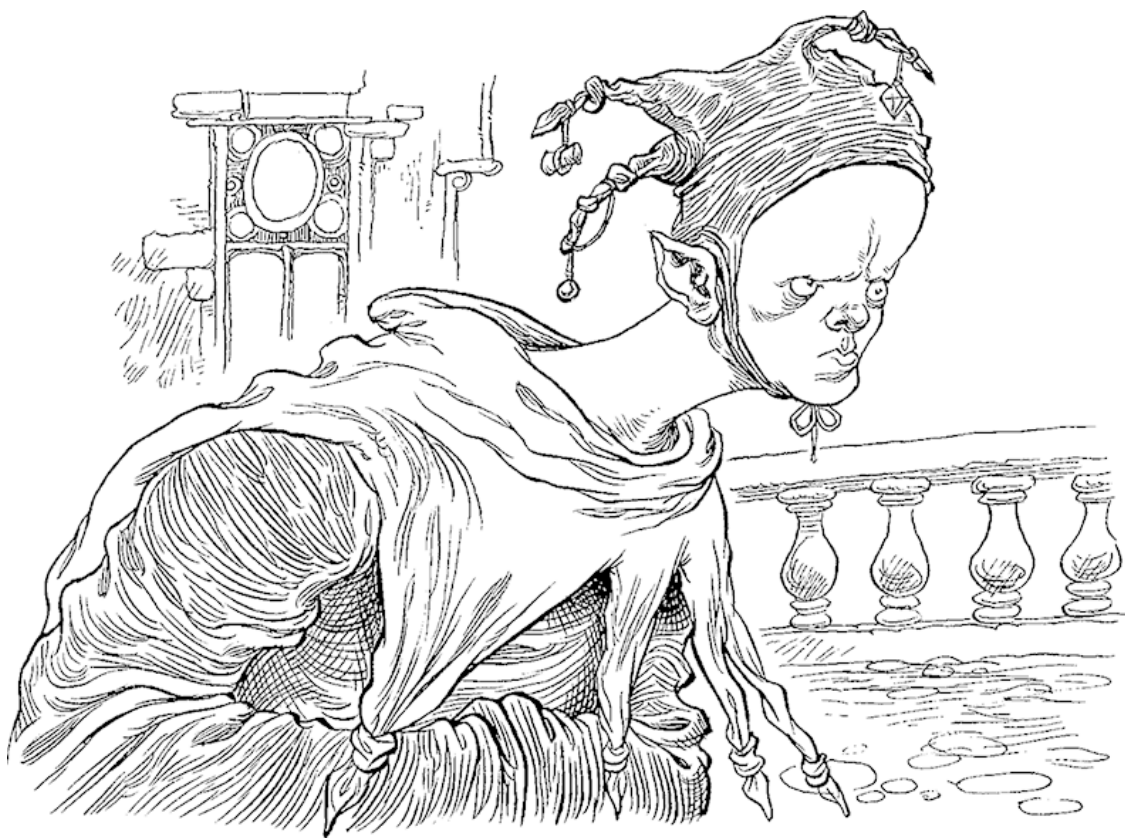
Глава вторая

Рассказ птицы-помогарь

– Представь себе, – начала свой рассказ птица, – холодный, ветреный, но ясный вечер. Луна поднимается над Сантафраксом, и силуэты его башен и шпилей отчетливо вырисовываются на фоне лилового неба. Внизу, из дверей самой уродливой башни, появляется долговязая фигура, которая торопливо пересекает мощный двор. Это ученик Факультета Дождеведения. Его зовут Вилникс Подлинуус.

– Вилникс Подлинуус?! Тот самый?! – охнул Прутик. – Высочайший Академик Сантафракса? – Хотя он никогда не видел недосягаемого академика, но много слышал о нем, ибо слава о Подлинуусе летела впереди него.

– Он самый, – ответила Помогарь. – Многие из тех, кто достигает славы и величия, имеют самое скромное происхождение: вот и он был некогда всего лишь точильщиком ножей в Нижнем Городе. Но Вилникс Подлинуус никогда и ни перед чем не останавливался в своих честолюбивых замыслах и в ту ночь был более, чем когда-либо, решителен. И тогда, когда Вилникс торопливо шел, наклонившись против ветра, по направлению к сверкающим шпилям Школы Света и Темноты, в его голове измышлялись всяческие козни и интриги.

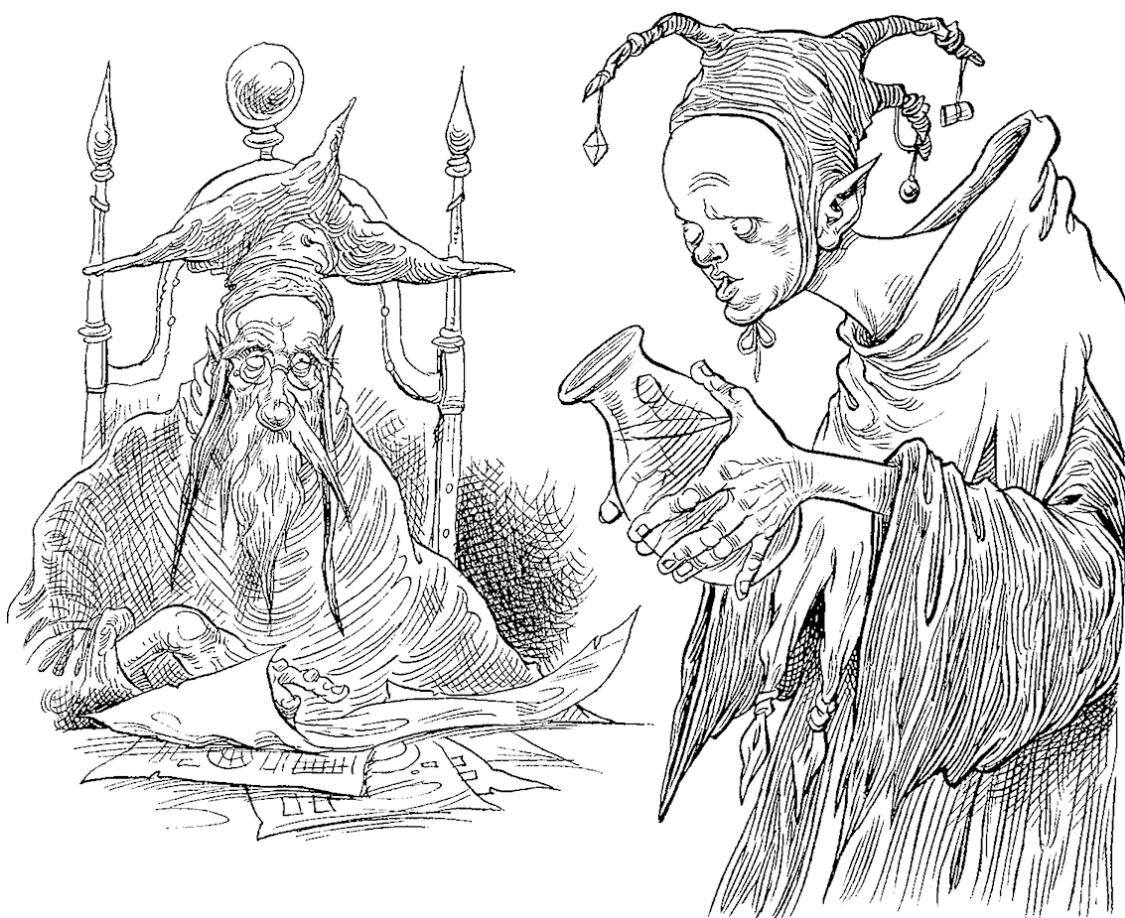

У Прутика мурашки побежали по спине, а его жилет из шкуры ежеобразы угрожающе ошестинился.

– Видишь ли, – продолжала Помогарь, – в ту пору Вилникс пользовался очень благосклонным, более того, покровительственным вниманием одного из самых влиятельных ученых Сантафракса – Профессора Темноты. Именно он устроил Вилникса в Рыцарскую Академию и оказывал ему всяческую поддержку. И позже, когда Вилникс был исключен за

нарушение правил распорядка и неповиновение, именно Профессор Темноты сохранил за ним место на Факультете Дождеведения, лишь бы его не выгнали из Санктафракса навсегда. – Помогарь перевела дыхание и продолжила: – Однажды, находясь в кабинете Профессора, Вилникс театральным жестом поднял вверх стеклянную мензурку с какой-то жидкостью. «В последнее время концентрация кислот в дожде заметно увеличилась, – важно произнес он и коварно добавил: – Мы подумали, что, возможно, это вам будет небезынтересно».

Профессору Темноты это действительно было интересно. Очень интересно. Повышение кислотности осадков свидетельствовало о возможном приближении Великой Бури. «Я должен посоветоваться с ветроведами и облакологами, – ответил он, – чтобы установить, обнаружены ли ими признаки надвигающейся Великой Бури. Но в любом случае это хорошая работа, мой мальчик».

Глазки Вилникса засияли, а сердце замерло от волнения. Все шло лучше, чем он смел надеяться. «Великая Буря? – невинно переспросил он, стараясь не возбудить подозрений Профессора. – Это значит, что Рыцарь-Академик будет отправлен на поиски грозофракса?»

Профессор подтвердил, что так оно и будет. Он достал стопку бумаг и положил ее перед собой. «Наши исследования подтверждают, – печально сказал он, – что скала, на которой стоит Санктафракс, продолжает расти – она становится все больше и больше. И ее все сильнее тянет в небо...» Он замолчал и в отчаянии покачал головой.

Вилникс краем глаза наблюдал за Профессором. «И требуется дополнительное количество грозофракса, чтобы его тяжестью уравновесить скалу, чтобы...»

Профессор энергично закивал. «Чтобы сохранить равновесие, – подтвердил он и вздохнул. – Слишком много времени прошло с тех пор, как Рыцарь-Академик вернулся, обновив запасы грозофракса».

Вилникс криво улыбнулся: «И кого же отправят на этот раз?»

Ученый муж фыркнул. «Протеже Профессора Света. Квинтиниуса... – Он нахмурился. – Квинтиниуса... ох, как же его?..»

Вилникс вздрогнул: «Квинтиниуса Верджиникса?»

– Это мой отец! – воскликнул Прутик, не в состоянии больше сдерживаться. – Я и не подозревал, что он был знаком с Высочайшим Академиком Санктафракса! Я даже не знал, что он когда-то был в Рыцарской Академии... – Прутик на мгновение задумался. – Хотя я вообще почти ничего не знаю о его жизни до тех пор, как он стал небесным пиратом.

– Если бы ты чуть-чуть попридержал свой язык, – раздраженно заметила Помогарь, – то тогда, наверное...

Ее прервал жуткий вопль, донесшийся из лавки.

В следующее мгновение в дверях показался Жиропот, бледный и бормочущий о том, что лисапунный гриф, всклокоченная хищная птица со страшным зазубренным клювом и острыми как бритва когтями, вырвался из клетки и набросился на несчастного пуфолака.

– С ним все в порядке? – осведомился Прутик.

– В порядке?! – пропыхтел Жиропот. – С пуфолаком-то? Нет, с ним *совсем* не все в порядке! Его кишки раскиданы по всем углам. А ведь за пуфолака можно выручить неплохие деньги. Мне надо сходить за ветеринаром, – тихо добавил он. – Пусть он его заштопает. – Жиропот взглянул на Прутика, словно увидел его впервые. – Тебе можно доверять?

Прутик кивнул.

– Хм, ну уж если ты все равно здесь, то не присмотришь ли за моей лавкой, пока я хожу? Возможно, это будет не задаром.

– Ладно, – согласился Прутик, стараясь скрыть неожиданную радость.

Как только Жиропот оказался вне пределов слышимости, Помогарь снова попросила Прутика освободить ее. Но мальчик был непреклонен:

– Всему свое время. Кроме того, нет ничего хуже, чем история, рассказанная наполовину.

Помогарь тихо проворчала:

– Ну, где я тогда остановилась? Ах да! Вилникс и твой отец... Они поступили в Рыцарскую Академию в одно и то же утро, и тем не менее с первого же дня Квинтиниус Верджиникс затмил всех прочих подававших надежды молодых людей. В фехтовании, стрельбе из лука и рукопашном бою ему не было равных. В управлении *громобоями* – небесными кораблями, специально сконструированными для преследования Великой Бури, – никто не мог с ним тягаться.

Прутик просиял от гордости и представил себя преследующим Великую Бурю. Корабль швыряет из стороны в сторону, вверх и вниз, пока он соединяется с вихревым ветром, а затем громобой проваливается в пустоту и безмолвие внутри бури...

– Слушай внимательно! – прошипела Помогарь.

Прутик виновато взглянул на нее.

– Но я слушаю! – попытался было возразить он.

– Да ну? – усомнилась птица, сердито нахохлившись. – Так вот, как я и говорила, Профессор объяснил Вилниксу, что если приближение Великой Бури подтвердится, то, как того

требует обычай, Квинтиниус Верджиникс немедленно пройдет обряд посвящения в рыцари и его снарядят в Сумеречный Лес, и если небу будет угодно, он вернется с грозофраксом.

Вилникс расплылся в своей неподражаемой улыбке – загадочной улыбке рептилии. Теперь наконец настал момент спросить о главном предмете, из-за которого он и затеял разговор. «А этот... грозофраке... – начал он как можно небрежнее. – Когда я был в Рыцарской Академии, о нем говорили как о самом чудесном веществе из всех существующих на свете. Говорили также, что осколки грозофракса не что иное, как чистая молния». Он коварно продолжал своим елейным голоском: «Неужели это правда?»

Профессор Темноты серьезно кивнул, и когда заговорил вновь, то казалось, что он торжественно цитирует древнее предание. «То, что люди называют грозофраксом, – провозгласил он, – рождается в лучезарном чреве Великой Бури – в центре могучего вихря, который раз в несколько лет возникает далеко-далеко за пределами Края. Он вбирает в себя тысячи сухих раскаленных ветров, которые воют и искрятся, рассекая небо в направлении Сумеречного Леса. Там, над Сумеречным Лесом, Великая Буря разрешается одним-единственным мощнейшим снопом молнии, который пронзает толстый слой сумеречного тумана и вонзается в мягкую плоть земли. Сноп мгновенно превращается в твердый грозофракс, излучающий волшебный свет в вечной лесной полутьме. Благороден и славен тот, кому выпадет честь лицезреть сей священный миг!»

Глаза Вилникса загорелись алчным огнем. Чистая молния! Его пронзила мысль: какой же силой должен обладать каждый кусочек грозофракса! Он поднял глаза и спросил Профессора: «А... э-э-э... а как он выглядит в точности?»

«Это кристалл несравненной красоты, – лицо Профессора озарила благоговейная улыбка, – он горит, светится, искрится...»

«И, несмотря на это, он тяжелый, – вставил Вилникс. – По крайней мере, я такое слышал. Но насколько он тяжел?»

«В сумерках своего рождения он не тяжелее песка. Однако в абсолютной темноте казначейства, в самом центре Санктафракса, щепотка грозофракса весит больше, чем тысяча бревен железного дерева, – объяснял Профессор. – Он способен уравновесить отталкивающую силу нашей летучей скалы. Без него Санктафракс давным-давно порвал бы все свои крепления и улетел в Открытое Небо...»

Вилникс притворился озадаченным: «Вот чего я не могу понять: если кристаллы грозофракса такие тяжелые, то как вообще их можно доставить в казначейство?»

Профессор испытующе посмотрел на молодого человека.

– Возможно, – прервала свой рассказ Помогарь, – на мгновение он усомнился в добрых намерениях ученика. Я не знаю этого. Я также не могу сказать, что в конце концов побудило Профессора поделиться с Вилниксом секретом. Но, как бы то ни было, он доверился ученику, и именно этому решению суждено было изменить ход истории Санктафракса.

«Его переносят в световой коробке, – сказал Профессор, – которую настраивают так, чтобы она излучала свет, подобный сумеречному».

Вилникс отвернулся, чтобы скрыть ликование. Если световую коробку используют, чтобы принести грозофракс в казначейство, то, несомненно, ее можно использовать и для того, чтобы вынести его оттуда! «А можно мне хотя бы взглянуть на грозофракс?» – нерешительно спросил он.

«Конечно же нет!!! – рявкнул Профессор Темноты, и Вилникс понял, что зашел слишком далеко. – Никому не позволено видеть грозофракс, за исключением Рыцарей-Академиков и стража казны, коим являюсь я сам. Если недостойный осквернит своим взглядом небесную чистоту грозофракса, за это небу противное деяние его ждет смерть!» – со свирепостью воскликнул Профессор.

Помогарь выдержала эффектную паузу, а затем продолжала:

– В тот миг ветер резко переменялся, и летающую скалу Санктафракса стало сносить к западу и резко дергать, так как цепи натянулись.

«Я все понял», – смиренно произнес Вилникс.

«Ах, Вилникс, – продолжал Профессор уже спокойно, – хотелось бы мне знать, насколько правильно ты все понял. Много таких, кто жаждет использовать грозофракс в корыстных целях. Бессовестные ветроведы и вероломные облакологи, недолго думая, стали бы исследовать его... ощупывали бы его... – Профессор содрогнулся от негодования, – *производили бы над ним опыты* – если бы им пришлось в голову, что грозофракс может служить их выгоде».

Помогарь умолкла на некоторое время, а затем продолжала рассказ:

– Если бы уже известный нам страж казны ранним утром следующего дня не дремал на своем посту, то он непременно увидел бы долговязую фигуру, тайком крадущуюся от казначейства по коридору. Костлявые руки самозванца крепко сжимали световую коробку. Внутри коробки лежало несколько осколков грозофракса.

Прутик охнул от изумления. Вилникс действительно украл грозофракс!

– Подлиннус поспешно вернулся в Ученическую Лабораторию, которая находилась на последнем этаже Башни Дождеведов, – рассказывала тем временем Помогарь. – С торжествующим видом он положил коробку перед группкой нетерпеливо ждавших молодых дождеведов и широким жестом открыл крышку. Кристаллы грозофракса сверкали и переливались огнями так, что их невозможно было сравнить ни с чем виденным прежде! «Чистая молния, – промолвил Вилникс. – Если нам удастся освободить и использовать ее энергию, мы станем самыми могущественными академиками за всю историю Санктафракса!»

Долгие часы трудились дождеведы, пытаясь растворить, заморозить, расплавить грозофракс или смешать его с другими веществами, но все их старания оказались тщетными.

За окном солнце клонилось к закату, окрашивая все в теплые золотистые тона.

Внезапно в порыве отчаяния Вилникс размахнулся и изо всей силы яростно ударил пестиком по грозофраксу. В следующий миг Вилникса охватило раскаяние: ведь он уничтожил бесценный кристалл!

Помогарь прищурилась:

– Ну, так он подумал сначала. Однако, присмотревшись внимательнее, Подлиниус увидел результат своего поступка: кристалл превратился в порошок бурого цвета, который, подобно ртути, скользил по дну ступки. «Я не знаю, что получилось, – обратился Вилникс к окружающим, – но давайте попробуем еще раз».

Второй осколок они положили в другую ступку. За окном смеркалось. Все подмастерья сгруппировались вокруг стола, за исключением Вилникса, который переливал текучее пылеобразное вещество в склянку. Пестик с размаху опустился в ступку – ба-ба-а-ах!!! Раздался оглушительный взрыв.

Прутик отпрянул от неожиданности.

– Вне всякого сомнения, энергия молнии была освобождена, – фыркнула Помогарь. – Но с какими жуткими последствиями! От взрыва разнесло по камешку полбашни Дождеведов, ударная волна прокатилась по всему Сантафраксу, а древняя Якорная Цепь едва не лопнула от сильнейшего натяжения и вибраций. Все подмастерья были убиты во время взрыва. Все, за исключением одного.

– Вилникса Подлиниуса! – прошептал Прутик.

– Совершенно верно, – подтвердила Помогарь. – Едва живой, лежал он на полу, крепко прижимая к груди склянку. Вокруг распространялся запах миндаля. «Что же было не так во второй раз? – раздумывал Вилникс. – Что произошло?»

Когда он попытался подняться, капля крови из глубокого пореза на его щеке упала в склянку. В то самое мгновение, когда капля соприкоснулась с пылью, густая красная кровь превратилась в кристально чистую воду...

Тут Помогарь стала чрезвычайно серьезной.

– Кризис навис над величественным и надменным Сантафраксом, – произнесла она мрачно. – Из-за безрассудного поступка наглого юнца дождеведа древняя Якорная Цепь оказалась как никогда близка к разрыву. Хуже того, кража грозофракса опустошила казначейство. Подъемная сила скал растет с каждым днем, и чем меньше тяжесть противовеса, тем труднее удержать летучую скалу на месте.

Осталась одна надежда – ветровед и облаколог подтвердили приближение Великой Бури. В соответствии с обычаем Квинтиниуса Верджиникса должны были посвятить в рыцари, после чего ему следовало отправиться в погоню за Великой Бурей в поисках грозофракса.

Вилникс Подлиниус лежал тем временем в больничной палате и лихорадочно соображал. Ему так не удалось обуздать энергию молнии, но он понял что грозофраксовая пыль сама по себе является чудом – одной ее крупинки достаточно, чтобы мгновенно очистить самую грязную и гнилую воду. Чего только не дадут обитатели отвратительного зловонного Нижнего Города за подобное средство. «Все, что угодно», – с жадностью подумал Вилникс.

Не дожидаясь полного выздоровления, Подлиниус покинул больничную палату и вернулся в полуразвалившуюся Башню Дождеведов, или, точнее, Дождеведа, ибо в живых остался только он. Там он занялся подготовкой к великому дню.

В конце концов этот день наступил. Солнце взошло, и лучи его проникли через восточную арку в зал Великой Ратуши, где собрался совет Сантафракса.

Профессор Света и Профессор Темноты, одетые, соответственно, в белую и черную мантии, сидели перед собравшимися за столом, на котором лежали меч и кубок. Академики Сантафракса заняли свои места в зале. Каждая отрасль знаний была представлена: Колледж Облакологии, Академия Ветра, Институт Снега и Льда, воздухоловы, туманосборщики, смогометристы... а также последний представитель Факультета Дождеведения, притащившийся на костылях.

Высокий, статный юноша пересек зал и преклонил колена перед Профессором Света. «Властью, данной мне, – объявил Профессор, поднимая сначала кубок, а затем меч, – я

прошу у Рыцарской Академии разрешения за жажду знаний и за остроту ума возвести тебя, Квинтиниус Верджиникс, в рыцарское достоинство!»

Профессор посмотрел на коленопреклоненную фигуру. «Клянешься ли ты, Квинтиниус Верджиникс, всем святым Небом, что будешь служить умом и сердцем Ордену Рыцарей-Академиков, присягая на верность Санктафраксу, и только ему?»

Голос Квинтиниуса дрогнул.

«Да, клянусь!»

Прутик преисполнился гордости:

– Мой отец!

«Клянешься ли ты также в том, что посветишь всю свою жизнь поиску грозофракса? Что будешь преследовать Великую Бурю? Что... – Тут Профессор медленно и глубоко вздохнул. – Что не вернешься, не выполнив эту священную миссию?»

Помогарь обернулась и уставилась на Прутика немигающим взглядом.

– Отец Квинтиниуса, твой дед – Шакал Ветров, был капитаном небесных пиратов. Как разозлился в свое время Квинтиниус на отца, когда тот записал его в Рыцарскую Академию, ибо юноша хотел идти по его стопам. И вот теперь... Теперь! Невозможно описать словами, какой честью для него было получить наивысшую награду Санктафракса. «Квинтиниус, – услышал он тихий голос Профессора, – ты клянешься?»

Квинтиниус поднял голову и ответил: «Да».

Профессор Света наклонился вперед и вручил Квинтиниусу кубок. «Пей!» – приказал он. Юноша поднес кубок к губам. Профессор Света поднял меч и ждал, пока Квинтиниус осушит кубок. Он все ждал и ждал... Но Квинтиниус оставался неподвижным, будучи не в состоянии проглотить эту густую вонючую жидкость.

Внезапно волнение пробежало по рядам сидевших в зале. Это Вилникс Подлиниус шумно ковылял на своих костылях, продвигаясь вперед, к кафедре.

Профессор Темноты в тревоге подался вперед в своем кресле: что еще вознамерился выкинуть этот юный глупец? Он наблюдал, как Вилникс поднял один из своих костылей и слегка постучал им по кубку. «Вода в Реке Края уже не та, что прежде, – фыркнул он, а затем обернулся, чтобы обратиться к залу. – Итак, не настало ли время перестать обманывать самих себя? Слушать всю эту чепуху о Рыцарях-Академиках, о „преследовании бури“, о „священном грозофраксе“?» Он презрительно ухмыльнулся: «Когда в последний раз Рыцарь-Академик отправился за грозофраксом? А что случилось с ним и со всеми остальными?»

Шум прошел по залу.

«Гарлиниус Герникс, Лидиус Ферикс, Петрониус Метракс... Где они теперь?»

Шум нарастал.

«Семь лет назад последний из Рыцарей-Академиков поднял паруса в погоне за бурей, – продолжал Подлиниус. – Скридиус Толлиникс, так его звали...»

«Это было восемь лет назад!» – прокричал кто-то.

«Почти девять», – раздался другой голос.

Вилникс хитро ухмылялся. Он знал, что теперь они в его руках. «Почти девять лет, – повторил он, и его слова полетели по залу. Он повернулся к Квинтиниусу Верджиниксу и указал на него обвинительным жестом. – И мы возлагаем все наши надежды на него! – Подлиниус намеренно выдержал паузу. – Да с какой стати он преуспеет там, где остальные – и столь трагически – потерпели неудачу?!»

После этих слов зал Великой Ратуши затрясло от шума и гама. «Девять лет! – закричал Вилникс. – Нет, нам надо сделать что-то сейчас, немедленно! – Зал затрясло во второй раз. – Но что? – Пыль летела из трещин в потолке. – Ответ прост, друзья мои! – провозгласил Подлиниус – Мы должны увеличить количество цепей!»

По залу пробежал вздох изумления, затем воцарилась тишина. План спасения был на удивление прост!

Старший науковед с Факультета Воздушных Исследований первым нарушил тишину. «Производство цепей означало бы увеличение числа сталелитейных мастерских и кузниц, – заметил он. – А река и без того достаточно загрязнена. – Он кивнул в сторону кубка, который Верджиникс все еще сжимал в руках. – Мы рискуем сделать воду совершенно непригодной для питья».

Все взоры обратились к Вилниксу, который благосклонно улыбался. Затем, отметив про себя, что вознаградить старшего науковедом званием профессора за его вопрос, он доковылял до Верджиникса и выхватил у него кубок. Подлиниус извлек из кармана мантии медальон в форме шарика и окунул его в мутную жидкость. Вода мгновенно стала кристально чистой. Вилникс вернул кубок Верджиниксу, который сделал из него глоток и подтвердил: «Это пресная вода. Настоящая. Чистая. Она похожа на ключевую воду из родников Темных Лесов».

Профессор Света тоже сделал глоток из кубка. Он взглянул на Подлиниуса прищурившись. «Как такое возможно?» – требовательно спросил он.

Вилникс невозмутимо выдержал взгляд Профессора. «Это возможно благодаря одному поразительному открытию, – заявил он. – *Моему* поразительному открытию. – Он постучал по медальону. – Эта милая безделушка содержит вещество, настолько сильнодействующее, что одной крупинки его достаточно, чтобы обеспечить человека питьевой водой на год. – Подлинус повернулся к рядом скептически настроенных академиков. – Этот грозо... – Вилникс оборвал себя на полуслове. – Это вещество, которое я назвал *пылефраксом* в честь нашего любимого летающего города, знаменует собой начало новой эры. Мы можем гарантировать будущее Санктафракса за счет строительства цепей, которые ему крайне необходимы. И при этом мы будем совершенно спокойны, зная, что нам никогда не придется мучиться от жажды!»

Зал огласился криками одобрения. Подлиниус скромно потупился. Когда он снова посмотрел в зал, его глаза горели огнем радостного предвкушения близкой победы. «Мои партнеры из Лиги Свободных Купцов и Предпринимателей ждут сигнала для начала работ по созданию цепей, – сказал он, и на его губах мелькнула улыбка. – Конечно, – добавил Вилникс, – они будут иметь дело только с Высочайшим Академиком Санктафракса, то есть с *новым* Высочайшим Академиком».

Он резко повернулся и смерил взглядом Профессоров Света и Темноты. «Ибо что толку от этой парочки клоунов, которые, деля власть между собой, своими тайными ритуалами и бессмысленными обычаями привели Санктафракс на край гибели? Или у вас есть кто-то другой, кто мог бы изменить ситуацию к лучшему?»

Выкрики «начнем все заново» и «да здравствует новый порядок» раздались в зале Великой Ратуши. «А вот и наш новый Высочайший Академик – Вилникс Подлиниус!» – провозгласил будущий Профессор Воздушных Исследований. Остальные принялись скандировать имя нового Высочайшего Академика. Вилникс закрыл глаза и наслаждался триумфом, по мере того как крики становились все сильнее и громче.

В конце концов он поднял взгляд на толпу. «Да исполнится ваша воля! – воскликнул он. – Я, новый Высочайший Академик Санктафракса, буду говорить с представителями Лиги. Цепи будут созданы, и Санктафракс, балансирующий ныне на грани неизвестности, будет спасен!»

Помогарь печально посмотрела на Прутика.

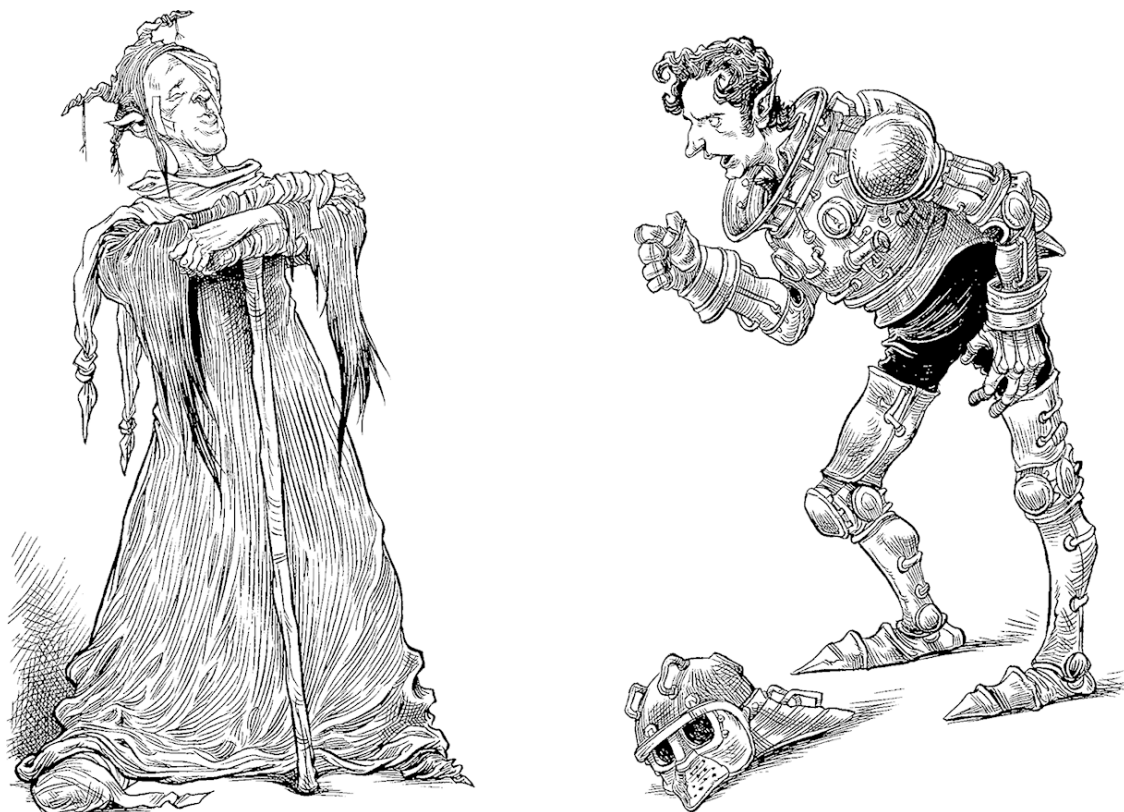
– Лишь один человек остался непреклонным. Человек, у которого безжалостно похитили все, к чему он стремился и чего он желал. Это был твой отец, Квинтиниус Верджиникс. Его лицо стало суровым. Оставалось то, что они не смогут забрать, – небесный корабль, который был построен специально для него, его «Громобой»!

В негодовании он плюнул и большими шагами пересек зал. В дверях он остановился и обернулся. «Если я, Квинтиниус Верджиникс, не стал Рыцарем-Академиком, то я буду Облачным Волком, воздушным пиратом, – прогремел он. – И я обещаю тебе, Вилникс Подлиниус: ты и твои друзья – предатели из Лиги, – вы будете горько сожалеть об этом до конца своей жизни!» Сказав так, он ушел.

Помогарь печально покачала головой.

– Конечно, сказать проще, чем сделать, – произнесла птица. – И прошло много лун, прежде чем его дерзкие слова стали сбываться. Его первое путешествие едва не окончилось гибелью как для него самого, так и для его корабля. Единственным положительным результатом этого полета оказалась встреча с Каменным Пилотом. Облачный Волк был вынужден спрятать «Громобой» в безопасном месте и стать простым матросом на одном из кораблей Лиги до тех пор, пока он не соберет достаточно денег и сведений о внутренних делах Лиги. – Помогарь прищурилась. – Капитаном, на корабле которого он окончил свою службу, был печально известный Мультиниус Гобтракс...

– Да, я ведь родился на борту его корабля, – задумчиво произнес Прутик. – Но что стало с Санктафраксом?

Помогарь фыркнула:

– Несмотря на обещания Вилникса «начать все заново» и установить «новый порядок», ситуация только ухудшилась. Сейчас, как ты сам знаешь, многие жители Нижнего Города трудятся в сталелитейных мастерских и кузницах, выковывая дополнительные цепи. Пока удастся удержать Санктафракс на месте, но не более того. Это бесконечная работа. А вода в реке становится все более и более грязной. Только благодаря крупитцам пылефракса, которыми Вилникс Подлиниус снабжает преданных ему членов Лиги, Нижний Город еще не задохнулся от собственного зловония.

Прутик в смятении покачал головой:

– А Вилникс? Он-то что получил из всего этого?

– Богатство и власть, – просто ответила Помогарь. – В обмен на питьевую воду Лига одаривает Вилникса и новый Факультет Дождеведения всем, чего только он ни пожелает. Это будет продолжаться до тех пор, пока к ним будет поступать пылефракс.

– Но, разумеется, это не может продолжаться бесконечно, – предположил Прутик. – Когда пылефракс закончится, Вилниксу придется снова красть грозофракс в казначействе.

Помогарь кивнула:

– Именно так все и обстоит, а у Профессора Темноты нет власти, чтобы помешать Вилниксу. Более того, производство пылефракса оказалось невозможным. Несмотря на тысячи попыток, большинство из которых окончились трагически, никому так и не удалось повторить результаты первого опыта.

– Но это уму непостижимо! – воскликнул Прутик. – Чем больше грозофракса Вилникс забирает из казначейства, тем больше цепей приходится выковывать. А чем больше цепей производится, тем больше грязи и отходов поступает в реку. Чем грязнее становится река, тем больше пылефракса необходимо для ее очистки!

– Порочный круг – вот что это такое, – ответила Помогарь. – Жуткий порочный круг. И через двадцать лет после собрания в зале Великой Ратуши ситуация для обитателей Санкта-

фракса и Нижнего Города выглядит как никогда удручающей. Занятые только своими проблемами, дождеведы и члены Лиги не видят того, что творится вокруг. Но если ничего не будет сделано, и сделано немедленно, то крах Санктафракса – это всего лишь вопрос времени.

– Но что *можно* сделать? – спросил Прутик. Помогарь развела крыльями и повернула голову в сторону:

– Не мне отвечать на этот вопрос – Она скосила пурпурный глаз на Прутика. – Ну, – произнесла птица, – мой рассказ окончен. *Теперь-то* уж ты меня выпустишь?

Прутик виновато посмотрел на нее.

– Конечно! – ответил он и вытащил нож из рукава. Он снова начал ворочать узким лезвием в скважине замка. Раздался мягкий щелчок. Замок наконец-то открылся! Прутик открыл дверцу клетки.

– Небо и Земля!!! – раздался злобный крик. – А еще говорил, что тебе можно доверять! Что, что ты вытворяешь?!

Мальчик обернулся и замер в страхе. Жиропот, который вернулся с ветеринаром, был вне себя от ярости. Его жирная туша стремительно надвигалась на Прутика.

– Я не могу... – раздался жалобный голос птицы. – Прутик, помоги мне!

Прутик обернулся. Птице удалось высвободить из клетки голову и крыло, но дверца была невелика, и другое крыло застряло, сдавленное прутьями.

– Залезай обратно и попробуй выйти снова! – крикнул мальчик.

Помогарь сделала, как было сказано, сложила крылья и снова высунула голову из клетки. Жиропот уже навис над ними, на боку у него болталась тяжелая дубинка. Прутик протянул руки и, обхватив птицу, потащил ее из клетки. Жиропот схватился за дубинку. Помогарь изо всех сил отталкивалась лапами от жердочки.

– Ну давай же! – в отчаянии крикнул Прутик.

– Вот сейчас... – Помогарь напряглась. – Я уже... Получилось! – Она попробовала взмахнуть крыльями – раз, другой – и затем, оттолкнувшись от края клетки, взмыла в небо.

Настала очередь Прутику уносить ноги. Он прокрутился на каблуках и рванул что есть мочи по улице. Дубинка Жиропота лишь слегка задела его плечо. Мгновением раньше она бы раскроила ему череп.

Прутик бежал все быстрее, прокладывая себе путь в толпе и расталкивая локтями зазевавшихся. Жиропот яростно вопил ему вдогонку.

– Вор! Подлец!! Негодяй!!! – ревел он. – Держи его!!!

Прутик нырнул в узкий переулок. Крики постепенно стихли, но он бежал еще быстрее, чем прежде. Мимо лавок ростовщиков, мимо клиник доморощенных зубодралов, мимо грязных цирюлен и веселых трактиров, за угол и – с разбегу врезался в отца.

Облачный Волк грубо встряхнул его за плечи.

– Прутик! – воскликнул он. – Прутик! А я ищу тебя везде. Мы готовы к отплытию. Где же ты пропадаешь?

– Н-н-нигде... – промямлил Прутик, не в силах поднять глаза на разъяренного отца.

За спиной Облачного Волка высоко в небе мальчик увидел Птицу-Помогарь, летевшую в лучах заходящего солнца – прочь от Санктафракса, прочь от Нижнего Города. Он с завистью вздохнул. Птица улетала, но страшные слова ее остались с ним: «Порочный круг – вот что это такое. Если ничего не будет сделано, то крах Санктафракса – это всего лишь вопрос времени».

Прутик спросил, на этот раз самого себя: «А что можно сделать?»

Глава третья Крики и шорохи

I. В Сумеречном Лесу

Были сумерки. В этом лесу всегда были сумерки, а солнце постоянно садилось. Или вставало? Трудно сказать. Во всяком случае, никто из попавших в Сумеречный Лес не мог этого определить. Хотя большинство и чувствовало, что золотистый полумрак меж деревьями нашептывает грезы о конце, а не о начале.

Легкий ветер, вечно блуждающий по лесу, тихо покачивал величественные деревья, покрытые вечнозеленой листвой. Они, как и все остальное – трава, земля, цветы, были покрыты пелериной чудесной пыли, которая сверкала и искрилась, подобно морозному инею.

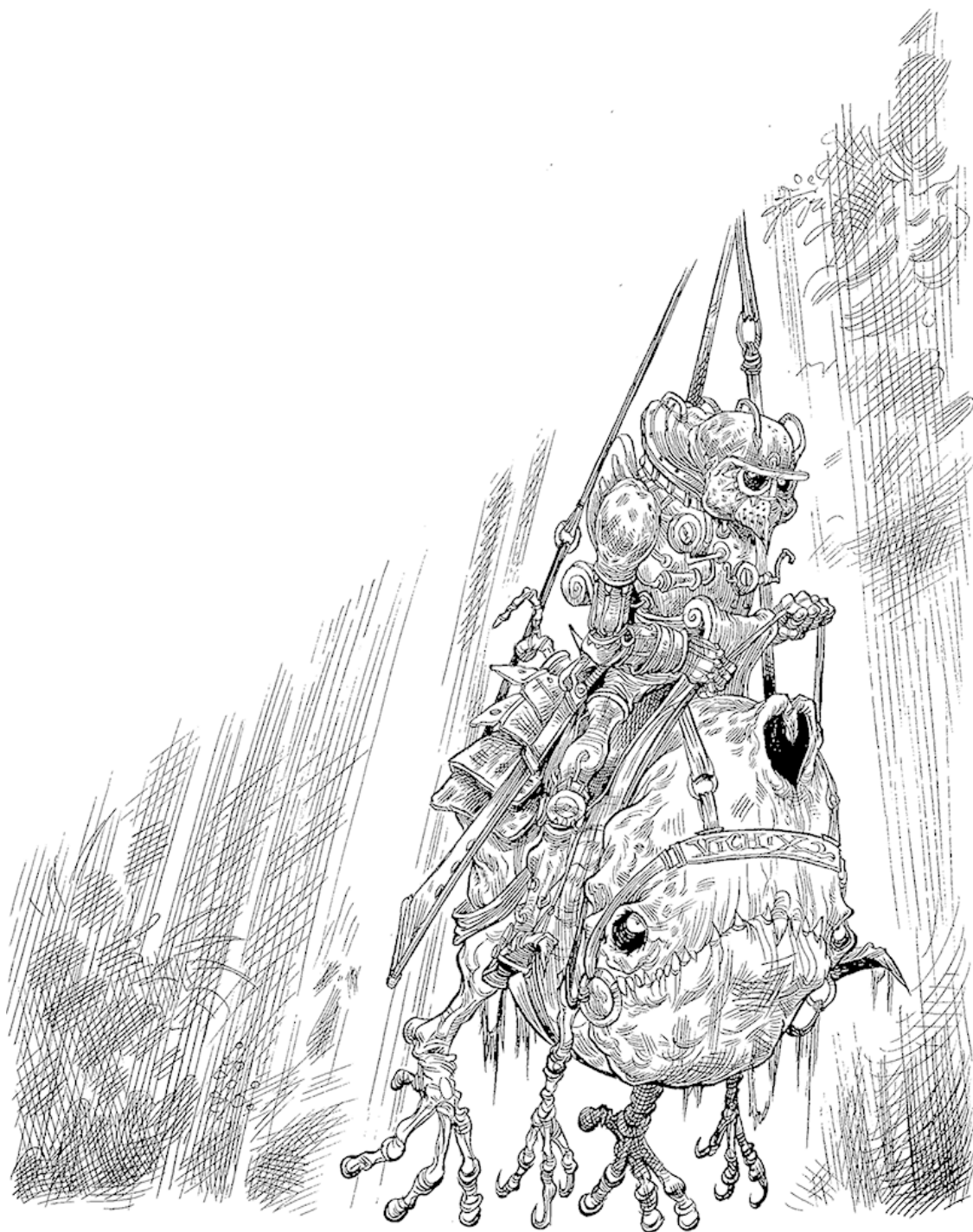
Но там не было холодно. Вовсе нет. Ветер казался нежным и ласковым, а земля излучала успокаивающее тепло, которое струилось вверх, и поэтому все плыло перед глазами. Пребывание в Сумеречном Лесу напоминало пребывание под водой.

Там не пели птицы, не гудели жуки, не слышно было голосов животных, ибо в этом лесу никто не жил. Но тот, кто умеет слушать, слышал бы там не только шепот деревьев, но и голоса. Настоящие голоса, которые что-то бормочут, бессвязно говорят, а иногда кричат. Вот один из них раздался совсем рядом.

– Держи прямо, Винчикс! – прозвучало устало, хотя и не без надежды. – Уже скоро. Держи прямо!

Голос доносился откуда-то сверху, где высоко на дереве, пронзенный его острой макушкой, висел небесный корабль, чья надломленная мачта укоризненно указывала в небо. На длинных ремнях упряжи висел рыцарь, сидевший верхом на своем боевом скакуне-зубоскале, и его силуэт вырисовывался на фоне позолоченного неба. Внутри разъединенных ржавчиной доспехов тела обоих усохли до костей. И все же рыцарь и его оседланный зубоскал, без сомнения, были живы, все еще живы.

Скрипнуло забрало, и голос приведения снова повторил ободряющие слова команды:
– Уже скоро! Держи прямо!

II. Во дворце Высочайшего Академика

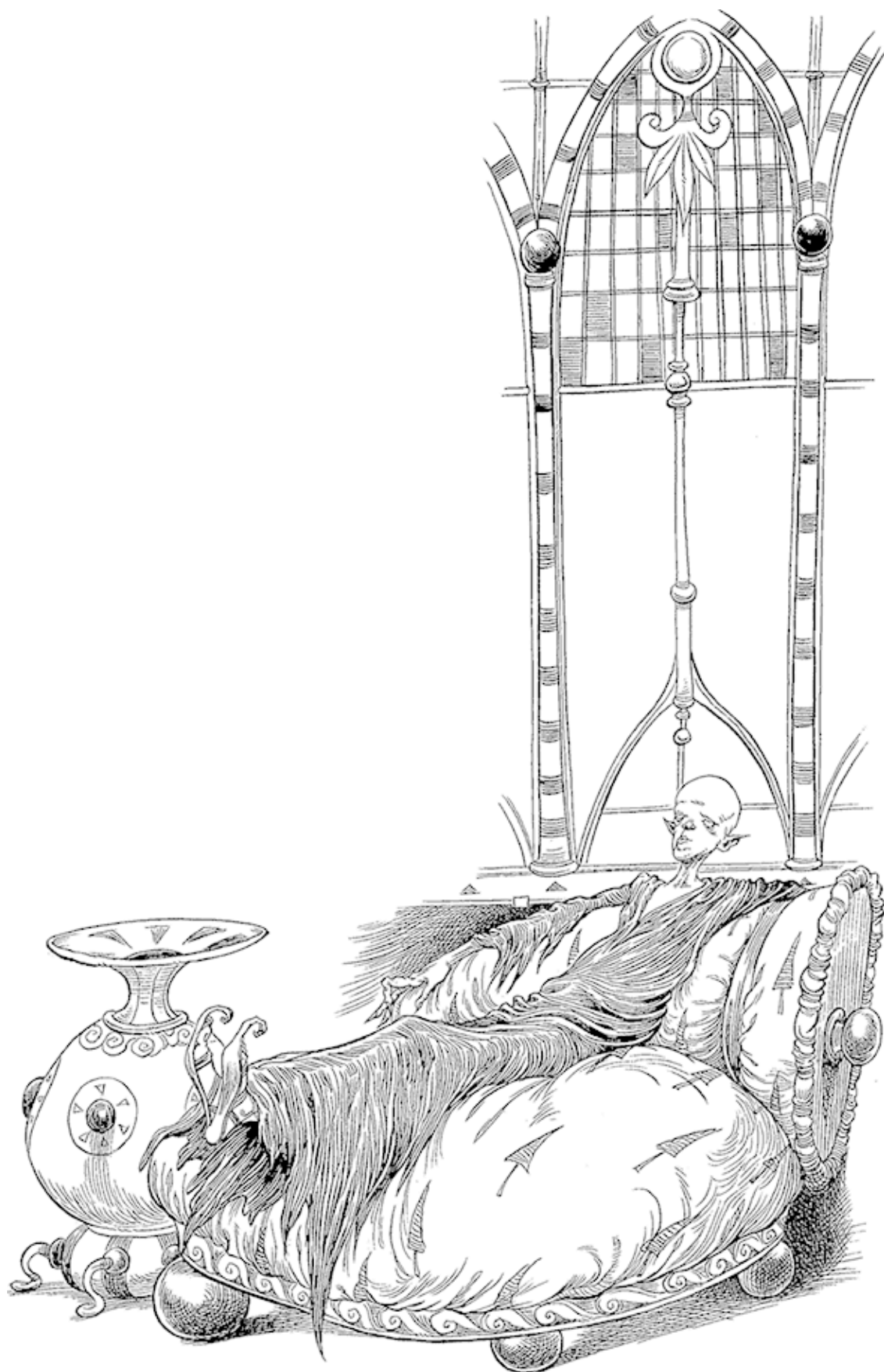
Покои – или Личное Святилище, как официально именовалась резиденция Высочайшего Академика, – поистине утопали в роскоши! Пол был устлан белоснежными шкурами, рельефный потолок украшала позолота, а стены, свободные от книжных шкафов, декоратор отделал черным, с серебряной инкрустацией деревом. Все помещение было заставлено всевозможными драгоценными безделушками – фарфоровыми вазами, статуэтками из слоновой кости, изысканными скульптурами и затейливыми часами.

Незажженная хрустальная люстра мерцала в центре зала, вспыхивая в солнечных лучах мириадами огней и разбрызгивая их по комнате. Брызги света падали на серебряные

узоры на стене, на полированные столы, комоды, рояль, портреты и зеркала, а также на блестящую макушку самого Высочайшего Академика Сантафракса, который крепко спал, развалившись на большой тахте у окна.

Его вид отнюдь не соответствовал пышному убранству зала: на нем была поношенная черная мантия, а на ногах – стоптанные сандалии. Как и одежда, сухопарая фигура Высочайшего и его впалые щеки свидетельствовали скорее о воздержании, чем об излишествах, а гладко выбритая голова символизировала смирение и строгость. Впрочем, все это в равной мере могло говорить и о тщеславии, ибо, согласитесь, зачем кому бы то ни было носить власяницу с вышитой по кайме личной монограммой «ВиП»?

Внезапно раздался пронзительный скрежещущий звук. Спавший вздрогнул и перевернулся на бок. Его глаза открылись. Звук повторился, громче, чем прежде. Вилникс сел на тахте и уставился в окно.

Из окон Личного Святилища, расположенного на верхнем этаже самой величественной башни Санктафракса, открывался захватывающий вид на Нижний Город и его окрест-

ности. Высочайший Академик глянул вниз. Между вздымавшимися клубами дыма ему удалось различить около полудюжины жителей Нижнего Города, занятых прикреплением новой цепи к летучей скале.

— Превосходно! — зевнул Высочайший и неуклюже поднялся с тахты. Он потянулся, почесался, рассеянно провел рукой по голове и снова зевнул. — Приступим к делам.

Он подошел к тяжелому сундуку из железного дерева, стоявшему в углу, вытащил тяжелый кованый ключ из кармана и низко нагнулся. Нынче вечером он встречается с Симеоном Зинтаксом, теперешним Главой всех Лиг. Перед этим Подлиниус решил взвесить оставшийся пылефракс и подсчитать, надолго ли хватит его бесценных крупниц.

Раздался мягкий щелчок, и замок открылся. Высочайший Академик со скрипом поднял крышку и внимательно осмотрел чернеющую пустоту сундука. Наклонившись, он извлек оттуда стеклянный флакон, поднес его к окну и... тяжело вздохнул.

Жидкой пыли было совсем мало.

— Да, это проблема, — пробормотал он. — Однако положение отнюдь не критическое. Впрочем, лучше тщательно взвесить остаток и подсчитать, сколько частиц пылефракса еще остается. Неосведомленность может пагубно сказаться на переговорах с Зинтаксом... — Вилникс беспокойно заерзал на месте. — Но сначала надо что-то сделать с этой невыносимой чесоткой.

К счастью, педантичный Минулис, его личный слуга, не забыл положить на место чесалку для спины. Это была премилая вещица – цельная золотая рукоятка с драконьими когтями из слоновой кости. Высочайший Академик извивался от блаженного удовольствия, когда скреб чесалкой спину вверх и вниз, в очередной раз вспоминая, что самые большие удовольствия в жизни зачастую оказываются и самыми простыми. Он возвратил чесалку на место и, решив отложить ненадолго подсчеты, налил в бокал вина из графина, принести который также не забыл Минулис.

Подлиниус прошелся по комнате и остановился перед зеркалом, отражавшим его во весь рост, улыбнулся, приосанился и вскинул голову.

– За Вас, Вилникс Подлиниус, – произнес он, поднимая бокал. – За Высочайшего Академика Санктафракса!

В этот момент снова раздался скрежет, па этот раз сильнее обычного. Летающая скала задрожала, Личное Святилище закачалось, и зеркало затряслось. Высочайший Академик вздрогнул, и хрустальный бокал выскользнул у него из рук. Раздался приглушенный звон разбитого стекла, а вино кровавым пятном расплзлось по белоснежному меху на полу.

Высочайший Академик отступил с выражением брезгливости на лице. В это время он услышал характерный свистящий звук падающего предмета, за которым последовал жуткий грохот. Вилникс замер. Потом повернулся: на полу в тысяче мельчайших осколков лежало зеркало. Нагнувшись, он подобрал кусочек стекла и повертел его в руках.

Как там говаривала бабушка? «Зеркало разобьется – печаль в дом ворвется». Он вглядывался в темный глаз, пристально смотревший на него из острого осколка, а потом подмигнул. «Хорошо, что *мы* не верим в приметы», – сказал себе Подлиниус и весело загоготал.

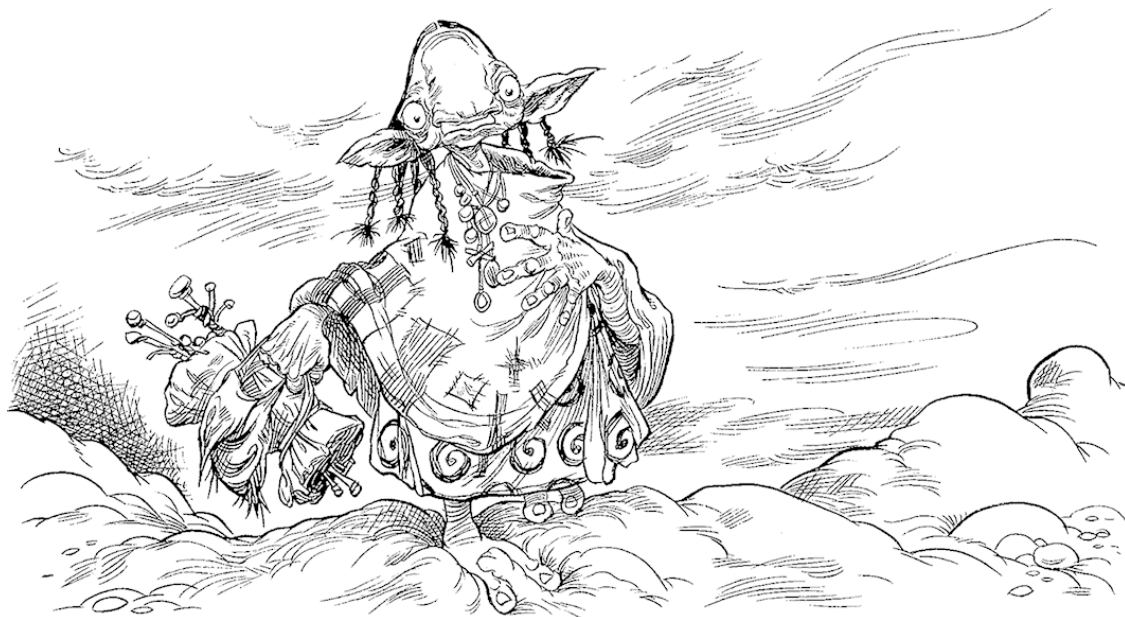
III. На топях

Предводительница гоблинов – низкая приземистая гоблинша по имени Мим – глубоко вздохнула, теребя амулеты и талисманы, висевшие на шее, и шагнула. Она вздрогнула, когда мягкая грязь просочилась между пальцами ее ног.

Скрид Пальцеруб уничижительно взглянул на нее:

– Ты все еще думаешь, что сумеешь сама пройти через Топи?

Мим не обратила внимания на его слова. Хлюп, хлюп, хлюп. Бледная липкая грязь покрыла ее лодыжки, затем икры и колени. Тогда Мим остановилась. Она понимала, что, если каким-то чудом ей самой и удастся перейти через Топи, ни старому Торпу, ни малышам никогда не сделать этого.

– Хорошо, – сказала она и сердито повернулась, продолжая проваливаться в трясину. Она подобрала юбку – грязь поднималась все выше. – Помоги мне выбраться отсюда, – произнесла она.

Скрид сделал шаг вперед и протянул костлявую белую руку. Подобно Топям, которые были его домом, каждый дюйм его тела был того же оттенка, что и бескрайняя поверхность трясины. Он вытащил гоблиншу, поставил на твердую почву и, стоя руки в боки, смерил ее презрительным взглядом.

Гоблинша порылась в своем мешке.

– Пятьдесят с каждого, как ты сказал, – проговорила она, – это будет... – Она подсчитала. – Пятьсот.

Скрид замотал головой.

– Цена выросла, – гнусаво сказал он, передразнивая гоблиншу. – По сотне с каждого. Теперь это будет стоить столько.

– Но ведь это все наши сбережения, – выдохнула Мим. – На что же нам прикажешь жить, когда мы доберемся до Нижнего Города?

Скрид пожал плечами:

– Это меня не касается. Я не заставляю вас идти со мной. Если вы сами можете перебраться через Топи с их грязью и ядовитыми ямами, не говоря уже о свирепых головоногах, рыбах-липучках и белых воронах, которые разорвали бы вас на кусочки, если бы заметили... Впрочем, решайте сами.

Мим угрюмо поглядела на остальных членов своего семейства, сбившихся в кучу на краю трясины. Она поняла, что выбор прост: либо они доберутся до Нижнего Города, либо они не доберутся туда никогда.

– Вот тысяча. – Гоблинша вздохнула, отдавая деньги. – Но твоя цена непомерно высока, чересчур высока.

Скрид Пальцеруб схватил деньги и сунул их в карман. Он отвернулся, процедив сквозь зубы:

– Моя цена гораздо выше, чем вы можете себе это представить, сударыня! – и он отправился по бесцветной липкой грязи.

Семья гоблинов собрала свои пожитки.

– Ну, пошли! – нетерпеливо крикнул им Скрид. – Давайте живо. Держаться вместе. Идти там, где иду я. И не оглядываться!

IV. В Башне Света и Темноты

Профессор Света был рассержен.

– Проклятые цепи, проклятое сверление, проклятый Вилникс Подлиниус! – рычал он, стиснув зубы. – Неужели требуется разрушить Санктафракс, чтобы его спасти?! – Он поднял кипу книг и начал их расставлять по полкам.

Всегда повторялось одно и то же: каждый раз, когда к летучей скале прикрепляли новую цепь, в его скромном кабинете из-за тряски наступал настоящий хаос. Бесценные аппараты ломались, уникальные опыты срывались, а библиотека оказывалась на полу.

Поставив последнюю книгу на место, профессор вернулся к письменному столу. Он уже собирался сесть, когда краем глаза заметил нечто совсем уж нежелательное. Но в этот миг раздался стук в дверь и Профессор Темноты ворвался в кабинет.

– Нам надо поговорить! – выпалил он.

Профессор Света не шелохнулся.

– Посмотрите, – мрачно произнес он.

– Что такое?

– Там. – Профессор указал на стену. – Свет!

Профессор Темноты засмеялся.

– Ну, вы должны быть довольны. Ведь свет как-никак – сфера ваших научных интересов и исследований.

– Как ваших – темнота, – огрызнулся Профессор Света. – Или, точнее, отсутствие света. Но всему свое место. И точно так же, как тьма воцарилась в сердце вашего бывшего протеже Вилникса Подлиниуса, так и свет проникает через трещины в стене. – Он повернулся и постучал по ступке. – Видите, все разваливается.

Профессор Темноты печально вздохнул:

– Мой кабинет в таком же ужасном состоянии. Первое, что сделал Вилникс, став Высочайшим Академиком, – забрал себе великолепное здание Школы Света и Темноты, отослав двух профессоров и их кафедры в полуразвалившуюся Башню Дождеведов. Взрыв, произошедший в башне, сильно повредил ее. И каждый раз, когда к скале прикрепляли новую цепь, разрушения умножались. Окончательный развал башни являлся лишь делом времени.

– Все, так больше не может продолжаться! – заявил Профессор Света. – Поэтому...

– Поэтому нам надо поговорить, – вставил Профессор Темноты.

– Поэтому, – продолжал Профессор Света, – я уже поговорил кое с кем насчет того, как изменить ситуацию.

Профессор Темноты посмотрел на своего коллегу со смешанным чувством восхищения и зависти. Несмотря на стесненные обстоятельства, старое соперничество между академиками продолжалось.

– С кем это вы успели поговорить? – спросил он.

– С Мамашей Твердопух, – последовал ответ.

– С Мамашей Твердопух?! – Профессор Темноты был ошеломлен. – С этой жадной старой курицей? Да она продаст свои собственные яйца, если ее устроит цена. Вы серьезно думаете, что мы можем ей доверять?

– Да, конечно, – ответил Профессор Света. – Мы можем доверять ей, зная, что она способна в любую минуту обмануть нас. Знание этого и будет нашей силой.

V. На задворках Нижнего Города

– Сюда, – сказал Слич, резко остановившись у ветхой лачуги.

Он отпер дверь и исчез внутри. Сопровождавший последовал за ним. Он закрыл дверь и подождал, пока крохгоблин найдет и зажжет лампу.

– Честное слово, – вздрогнул Слич, когда обернулся при бледном свете лампы, наполнившем комнату, – вы, душегубцы, действительно кроваво-красные.

Тендон неуклюже зашаркал по комнате.

– У тебя ведь есть пылефракс или как? – начал он. – А если нет...

– Лучший пылефракс в Нижнем Городе, – заверил его Слич. – В потенциале.

– В потенциале?

– Я приобрел немного грозофракса на черном рынке, – объяснил Слич. – Все, что тебе нужно сделать, это растолочь его.

Тендон невозмутимо посмотрел на Слича.

– Ты, должно быть, думаешь, что я идиот, – произнес он наконец. – Грозофракс взрывается, когда его пытаешься растолочь. Это все знают. Только лишь его всемогущей светлости Академику известен секрет...

– Я тоже знаю этот секрет, – убежденно проговорил Слич. Он достал с полки ступку и поставил ее на маленький стол. Затем вытащил из кармана сверток, аккуратно развернул его, и взорам обоих предстал блестящий и переливающийся огнями осколок грозофракса. Держа его двумя пальцами – большим левой руки и средним правой, ибо прочие отсутствовали, Слич мягко опустил осколок в ступку.

Тендона все еще терзали сомнения:

– А в чем секрет-то?

– Вот в чем, – ответил Слич, доставая кожаный кошелек-мешочек из-за пояса. Он выпустил шнурок, чтобы Тендон мог увидеть содержимое.

– И что это?

– Это порошок из коры сухостойного дерева, – объяснил Слич заговорщическим шепотом. – Самый лучший, который только можно достать.

Тендон боязливо попятился. Этот порошок доктора Нижнего Города использовали как обезболивающее перед операцией.

А Слич продолжал растолковывать:

– Обезболивающее действие порошка нейтрализует взрывоопасность грозофракса. Взрыв, так сказать, парализуется.

– Ты уверен в этом? – спросил Тендон.

– О, ради Неба! – раздраженно упрекнул его Слич. – Разве ты не признавался мне, что тебе до смерти надоело тратить все заработанные тяжелым трудом деньги на питьевую воду? Разве ты не говорил, что сделал бы все что угодно, чтобы достать немного пылефракса? Уверяю тебя, что сухостойный порошок сработает! – Слич щедро насыпал порошка в ступку. – Взрыва не будет, и ты, мой друг, получишь столько пылефракса, что тебе хватит до конца жизни.

Тендон нервно теребил амулеты, висевшие на шее. Однако, несмотря на опасения, он не смог устоять против соблазнительного предложения крохгоблина. Заплатив сто монет, как они и договаривались, Тендон взял пестик. Слич надежно спрятал деньги в карман, а затем со всех ног бросился в дальний угол лачуги, где за железной печкой сжался в комок.

– Давай, бей! – закричал он. – Порошок сработает!

И Тендон с размаху опустил пестик в ступку.

Взрывной волной с лачуги сорвало крышу. Тендона отбросило к дальней стене, разорвав на мелкие кусочки.

Слич выполз из укрытия и, пошатываясь, встал на ноги. Он взглянул на то, что когда-то было душегубцем.

– А может, и не сработает, – печально вздохнул он.

VI. В таверне «Дуб-кровосос»

Мамаша Твердопух восседала за столом около входной двери. Рядом, взгромоздившись на высокий круглый табурет, сидел Форфикюль, ночной вэйф, работавший у нее. Они наблюдали, как посетители таверны поочередно окунали пивные кружки в корыто, где пенился лесной эль. Нелегальная пивоварня в погребе приносила хорошую прибыль, особенно в жаркую погоду.

Дверь открылась, и три члена Лиг вразвалку вошли в таверну. Мамаша Твердопух от досады щелкнула клювом.

– Доброго вам вечера, – прокудахтала она, избегая их взглядов, затем сняла три пивные кружки с полки и поставила их на стол. – Двадцать монет за каждую.

– Можете пить сколько влезет, – проинструктировал товарищей первый из них, всегда гдатай «Дуба-кровососа». – Не так ли, Мамаша Твердопух?

Она бросила на него сердитый взгляд:

– Разумеется. Но помните правила. – Она кивнула в сторону приколоченных к стене табличек: «Не ругаться», «Не драться», «Не блевать в помещении».

– Нам об этом напоминать не надо, – заметил всегда гдатай, протягивая Мамаше золотую монету – вдвое больше требуемой суммы. – Сдачу оставь себе, дорогуша, – добавил он, подмигнув.

Мамаша Твердопух не подымала глаз от кассы.

– Благодарим сердечно, – проговорила она и с треском захлопнула ящик. Только когда член Лиг отвернулся, Мамаша Твердопух подняла на него взгляд. «Ах ты, кишасший червями кусок дерьма ежеобраза», – с горечью подумала она.

– Ну-ну, тише, – мягко сказал Форфикюль, подергивая своими огромными ушами-крыльями. Мамаша повернула голову и свирепо взглянула на ночного вэйфа.

– Слышал, да? – рявкнула она.

– Я слышу все, и тебе это хорошо известно, – ответил Форфикюль. – Каждое слово, каждый шорох, каждую мысль – за грехи мои.

Мамаша Твердопух запыхтела. Перья у нее на шее встали дыбом, а желтые глаза засверкали.

– Хорош гусь! – прошипела она и кивнула в сторону столика, где уселись вновь прибывшие посетители, – Все они хороши – разодетые в пух и прах, с щедрыми чаевыми и изящными манерами. Дерьмо ежеобраза – вот они кто!

Форфикюль охотно с ней согласился. Он понимал ненависть хозяйки к членам Лиги. В результате союза с Вилниксом Подлиниусом господство Лиги на рынке питьевой воды было абсолютным. И если бы не противозаконные сделки с небесными пиратами, Мамаша Твердопух давно пошла бы ко дну.

– Ах, небесные пираты, – вздохнул Форфикюль. – Эти бесстрашные разбойники, бороздящие просторы неба и ни перед кем не склоняющие головы! Что бы мы без них делали?

– Да, действительно, – согласилась Твердопух, а перья на ее шее наконец-то улеглись. – Кстати, Облачный Волк со своими ребятами скоро должен вернуться. Надеюсь, что его

поездка окажется настолько успешной, насколько он заставил меня в это поверить. В противном случае... – Тут внезапно ей вспомнился разговор с Профессором Света. У Мамаши Твердопух заблестели глазки. – Если только не...

Форфикюль, слушавший ее размышления, захихикал:

– Орел – ты выиграла, решка – он проиграл, верно?

Она не успела ответить, как таверна содрогнулась от взрыва. Форфикюль сжал уши и завопил от боли.

– Силы небесные! – вскрикнула Твердопух, и перья на ее шее опять встали дыбом. – Это где-то неподалеку!

Когда пыль улеглась, Форфикюль разжал уши и потряс головой. Его огромные уши трепетали, как крылья гигантского мотылька.

– Еще двое несчастных дураков пытались добыть пылефракс, – печально констатировал он. Склонив голову набок, Форфикюль стал внимательно вслушиваться. – Погибшего зовут Тендон, он душегубец.

– Я помню его, – сказала Мамаша Твердопух. – Он частенько у нас бывает, то есть бывал. От него вечно несло свежеевыдубленной кожей.

Форфикюль кивнул.

– Уцелевшего зовут Слич, – продолжал он и вздрогнул. – Ох-ох-ох, ну и мерзавец же он! Он смешал грозофракс с порошком сухостоя и уговорил Тендона сделать за него грязную работу.

Мамаша Твердопух нахмурилась.

– Все отчаялись и готовы на все ради пылефракса, – произнесла она, злобно сверкая глазами. – Если кого-то и винить за то, что случилось, так их. – Она кивнула в сторону

шумно веселившихся членов Лиги. – О небо, чего бы я только не отдала, чтобы стереть самодовольные улыбки с их мерзких рож, и причем со всех!

Глава четвертая

Партия железного дерева

День был в разгаре, когда экипаж «Громобоя», успешно провернув сделку с лесными троллями на большую партию бревен железного дерева, уже направлялся домой, в Нижний Город. Прутик, виновник этого, был особенно доволен собой.

Он вырос среди лесных троллей и прекрасно знал их повадки. Прутик знал, когда их «нет» означает «да». Он знал, когда следует торговаться и, что еще важнее, когда надлежит остановиться, ибо, если лесному троллю предложить слишком мало за его лес, он обидится и вообще откажется продавать что бы то ни было. Когда Прутик заметил на лицах троллей соответствующие знаки – поджатые губы и подрагивающий кончик носа, – он кивнул отцу. В итоге более выгодной сделки попросту и быть не могло!

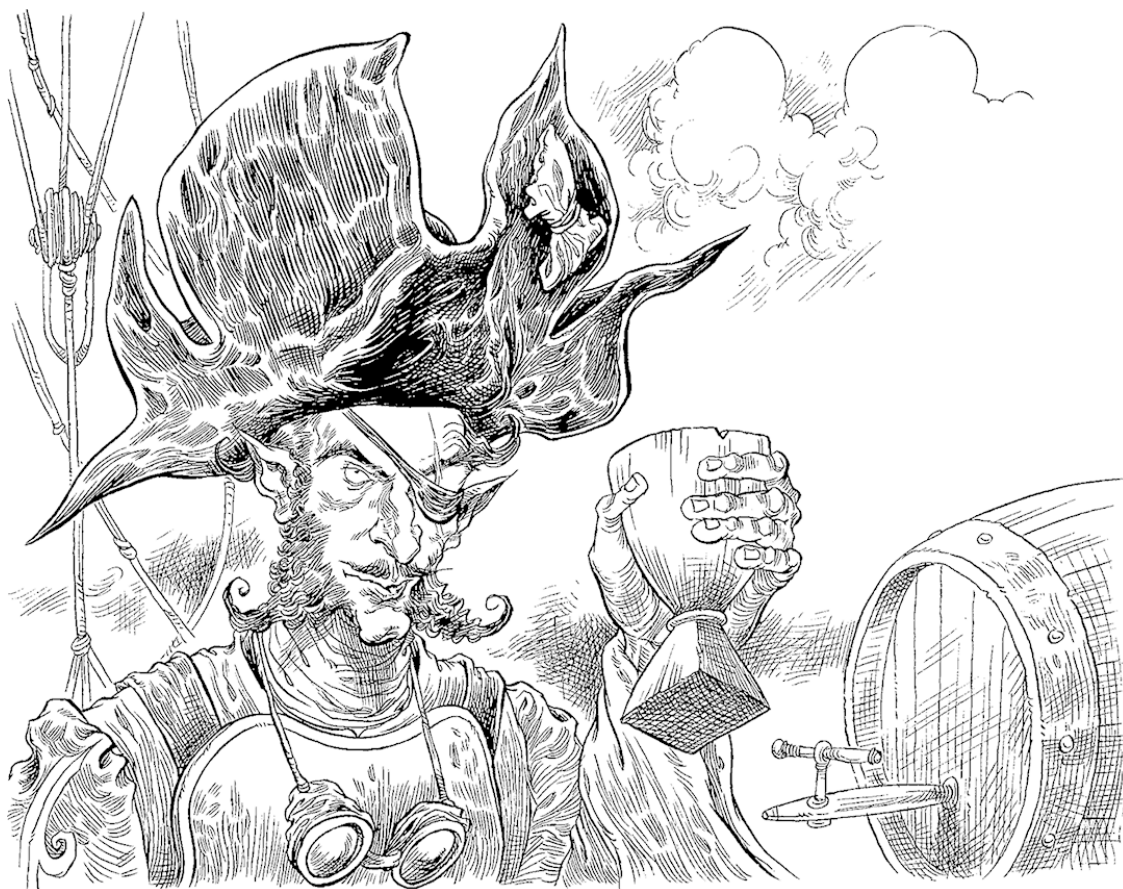
И, чтобы отметить удачу, Облачный Волк открыл бочонок лесного грога и поднес каждому члену разношерстного экипажа по стакану огненной жидкости.

– За хорошую работу! – провозгласил он.

– За хорошую работу! – рявкнули в ответ небесные пираты.

Тем Кородер, длинноволосый великан, похлопал Прутика по спине и стиснул его плечо.

– Если бы этот мальчуган не знал так хорошо обитателей Темных Лесов, мы никогда не получили бы лес по такой цене, – сказал он, поднимая стакан. – За Прутика!

– За Прутика! – дружно подхватили небесные пираты. Даже Хитрован, квартирмейстер, от которого обычно доброго слова не дождешься, великодушно признал:

– А он действительно неплохо справился с делом.

Лишь один из команды не присоединился к поздравлениям – сам Облачный Волк. Более того, когда Тем Кородер провозгласил свой тост, капитан резко развернулся и пошел к штурвалу. Прутик все прекрасно понимал. Никто из экипажа не знал, что он – сын Облачного Волка. Чтобы избежать обвинений в предпочтении кого-то кому-то, капитан решил, что так будет лучше. В соответствии с этим принципом он всегда обращался с Прутиком куда более сурово, чем с остальными, и ни одним взглядом, ни одним словом ни разу не выдал чувств, которые наверняка испытывал к сыну.

Понять причину суровости Облачного Волка было несложно, но как же трудно было ее принять! Каждый пренебрежительный жест, каждое замечание, каждое грубое слово задевали Прутика за живое, ему казалось, что отец стыдится его. Сейчас, укротив гордость. Прутик поднялся на капитанский мостик.

– Как ты думаешь, когда мы прибудем? – робко спросил он.

– К ночи, – ответил Облачный Волк, крепко держа штурвал и одновременно орудуя рычагами противовесов. – Если ветер не переменится.

Прутик с восхищением наблюдал за отцом. Всем известно, как непросто управлять небесным кораблем, но Облачный Волк делал это с такой легкостью и с таким мастерством, словно родился с этим умением. Он чувствовал корабль, как будто «Громобой» был частью его самого. Выслушав рассказ Птицы-Помогарь, Прутик знал, откуда все это.

– Я полагаю, что ты выучил все о воздухоплавании и... преследовании бурь в Рыцарской Академии...

Облачный Волк обернулся и с удивлением посмотрел на сына.

– Что тебе известно о Рыцарской Академии? – спросил он.

– Да, в общем... немного, – замялся Прутик. – Птица-Помогарь мне рассказала...

– Тьфу ты! Вот трепло! – выдохнул с облегчением Облачный Волк. – Лучше жить настоящим, чем вспоминать прошлое, – резко добавил он. А затем, явно желая переменить тему разговора, произнес: – Тебе самому уже давно пора научиться управлять небесным кораблем.

У Прутика учащенно забилось сердце. Он летал на корабле с воздушными пиратами уже более двух лет. Как и они, он был одет в длинную тяжелую куртку с многочисленным снаряжением – подзорной трубой, дреком, компасом, весами и фляжкой... Как и другие пираты, он носил затейливо украшенный защитный нагрудник из тисненой кожи, а на спине у него был закреплен комплект сложенных парашютных крыльев. В то же время обязанности Прутика на борту корабля ограничивались выполнением работы прислуги: он мыл, драил и чистил, он был мальчиком на побегушках. Но теперь, кажется, это должно измениться!

– Летучий камень, остывая, поднимает корабль в небо, – начал теоретический курс кораблевождения Облачный Волк. – Уравновешивание и маневрирование корабля осуществляются вручную, при помощи этого. – Он указал на два длинных ряда рычагов, у каждого из которых был свой угол наклона.

Прутик кивнул, слушая с увлечением.

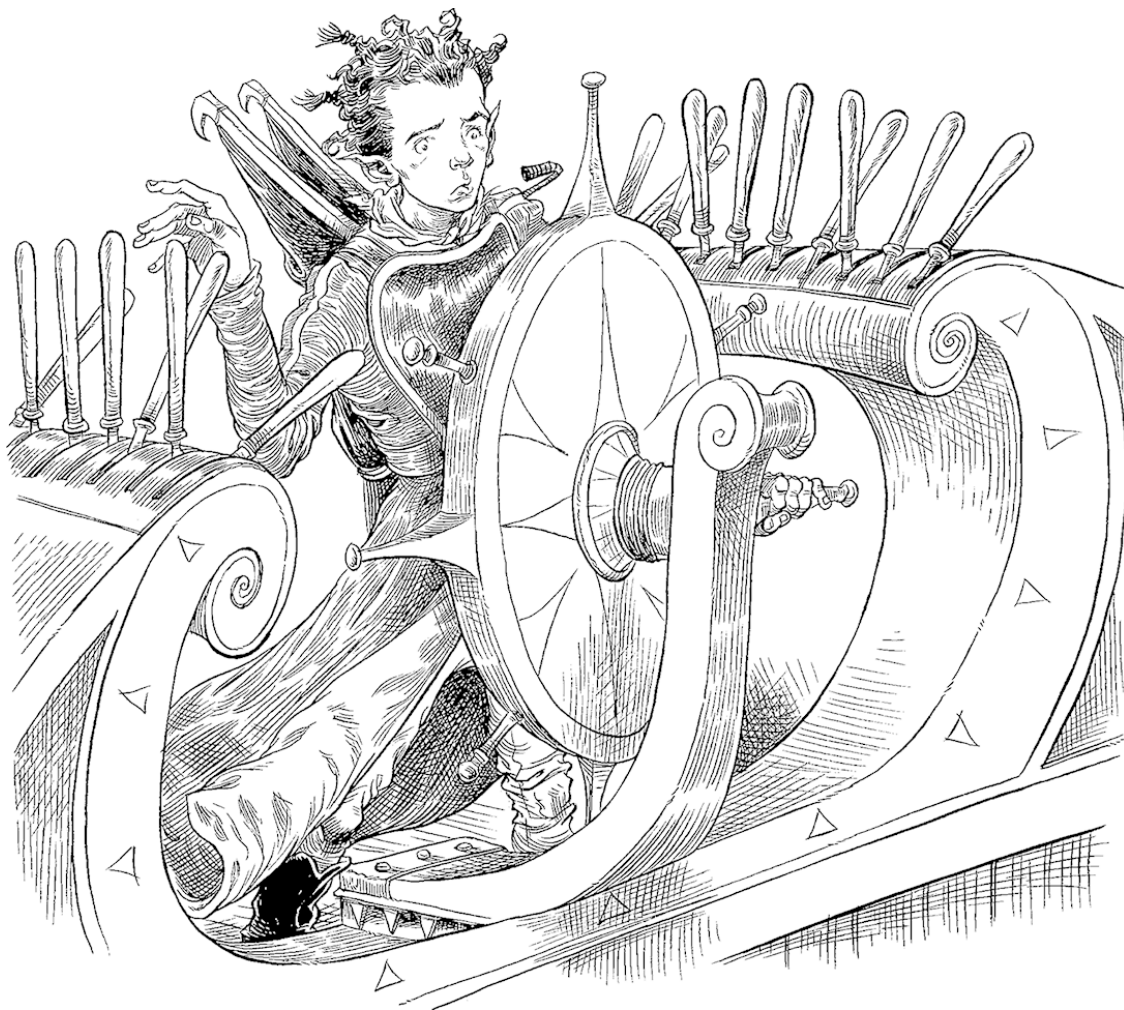
– Эти рычаги соединены с системой противовесов. Кормовой противовес, носовой противовес, противовесы правого борта! – маленький, средний и большой; противовесы левого борта – такие же, затем срединный противовес, передний противовес, задний противовес, а также клутовые противовесы... – перечислял Облачный Волк. – А эти рычаги, расположенные с другой стороны, управляют парусами: фок, кормовой, топсель, – называл он рычаги, легко ударяя по очереди каждый. – Грот – первый и второй, скайсель, стаксель,

стадсель, роксель, спинакер и кливер. Понял? А самое главное – удерживать все в равновесии.

Прутик нерешительно кивнул. Облачный Волк отступил назад и резко сказал:

– Ну, тогда давай. Держи штурвал, и посмотрим, на что ты способен.

Сначала все было просто. Рычаги были уже переключены, и Прутик всего лишь должен был держать штурвальное колесо. Но внезапный порыв северо-восточного ветра, заставивший корабль наклониться, сразу же многократно усложнил задачу.

– Поднять средний противовес правого борта! – командовал капитан. Прутика охватила паника. Какой это рычаг – восьмой или девятый слева? Он схватился за девятый и дернул – корабль дал крен. – Не так сильно! – рявкнул Облачный Волк. – Поднять стаксель и опустить большой противовес левого борта... *Левого*, идиот! – взревел он, когда корабль наклонился еще сильнее.

Прутик вскрикнул от страха – он погубит корабль! И первая попытка кораблевождения станет последней. Мысли путались у него в голове, а сердце готово было выпрыгнуть из груди. Трясущимися руками Прутик вцепился в штурвал – он не должен подвести отца! Наклонившись вперед, он снова схватился за девятый рычаг. На этот раз Прутик плавно перевел его, опустив противовес лишь на два уровня.

И это сработало – корабль выровнялся!

– Хорошо, – похвалил капитан. – Ты набиваешь руку. А теперь – поднять скайсель. Опустить носовой противовес на один уровень, перестроить малый и средний противовесы правого борта и...

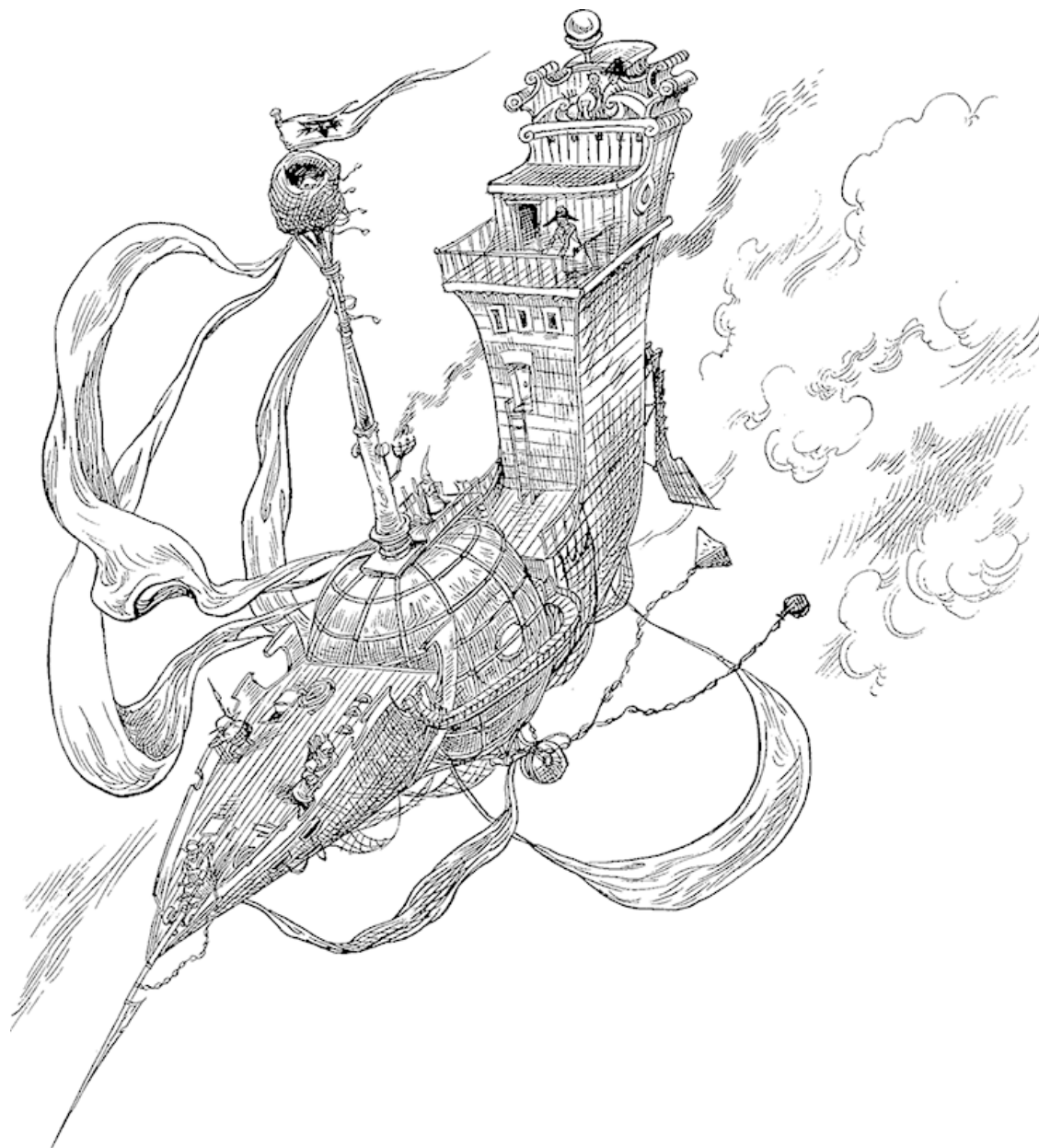
– Корабль Лиги по правому борту! – раздался пронзительный крик Колючки. – Корабль Лиги по правому борту, и он быстро приближается!

Крик гулким эхом отразился в ушах Прутика. Он начал ловить ртом воздух и почувствовал тошноту. Ряды рычагов поплыли перед глазами. Совершенно точно, что один из них заставит корабль стремительно рвануть вперед, но какой?

– Корабль Лиги приближается! – снова прокричал Колючка. И Прутик, охваченный паникой, нарушил первое правило управления небесным кораблем – выпустил штурвал из рук.

В тот же миг рулевое колесо завертелось вихрем и мальчик покатился по палубе. На «Громобое» моментально сникли паруса, и корабль начал снижаться, подхваченный вращением.

– Придурок! – заорал Облачный Волк. Он схватил руль и, изо всех сил упершись ногами в палубу, отчаянно пытался остановить вращение. – Буль! – крикнул капитан. – На помощь!

Прутик как раз подымался на ноги, когда Буль пронесся мимо, слегка его задев. Но даже от легкого скользящего удара громадного толстолапа Прутик снова рухнул на палубу.

В следующую секунду вращение корабля прекратилось. Прутик поднял глаза: рулевое колесо застыло в могучих лапах Буля. И наконец-то освободившиеся руки капитана мелькали над рычагами так же уверенно, как пальцы аккордеониста перебирают клавиши инструмента.

– Корабль Лиги на расстоянии ста шагов, и он приближается, – проинформировал Колючка. Капитан молча продолжал играть рычагами. – Пятьдесят шагов! Сорок...

Одновременно с этими словами «Громобой» внезапно рванулся вперед. Экипаж взорвался радостными криками. Прутик наконец поднялся на ноги и от всей души шептал благодарность небу.

Затем раздался голос Облачного Волка.

– Что-то не так, – спокойно произнес он.

«Не так? – подумал Прутик. – Что еще может быть не так? Разве, в конце-то концов, они не удрали с контрабандным грузом железных деревьев?») Он, прищурившись, посмотрел назад: ну да, корабль Лиги отстал от них уже на несколько миль!

– Что-то не так, – повторил Облачный Волк. – Мы не можем набрать высоту.

Прутик со страхом взглянул на капитана. Это что, шутка? Неужели Облачный Волк решил по-отцовски подразнить его в такой момент? Но одного взгляда на бледное лицо капитана, который дергал и тряс рычаг изо всех сил, было достаточно, чтобы убедиться в том, что он не шутит.

– Это... это... этот треклятый кормовой противовес, – тяжело дыша, проговорил он. – Его заклинило.

– Корабль Лиги опять нас настигает! – закричал Колючка. – И, судя по вымпелу, на его борту находится сам Глава всех Лиг!

Облачный Волк обернулся.

– Буль! – позвал он, но затем на секунду задумался. Нет, тяжеленный толстолап не подходит для того, чтобы карабкаться по борту корабля. Также не подходили для этого Тем Кородер и Железная Челюсть. А у эльфа-дубовичка Колючки, хотя он и был готов это сделать, просто не хватит сил, чтобы освободить огромный железный противовес. Хитрован подошел бы идеально, если бы не был трусом. Ну а плоскоголовый гоблин Окурочек хоть и бесстрашен в бою, но слишком туп, чтобы запомнить, что ему следовало бы сделать.

– Уж лучше я сам об этом позабочусь, – проворчал капитан.

Прутик подскочил к отцу:

– Можно я? Я смогу! – Облачный Волк оглядел его с ног до головы, поджав губы. – Ведь нужно, чтобы ты был здесь, у рычагов, – продолжал Прутик, – когда я освобожу противовес.

Облачный Волк быстро кивнул:

– Хорошо, только не подведи!

– Не подведу! – решительно сказал Прутик, ринувшись на корму. Там он схватился за трос и спустился по нему за леер. Далеко-далеко внизу мелькнуло зеленое пятно леса.

– Не смотри вниз! – слышал он крик Тема Кородера.

«Проще сказать, чем сделать», – пронеслось у Прутика в голове, когда он начал осторожно спускаться по тросам, опутывавшим корпус корабля подобно паутине. Холодный

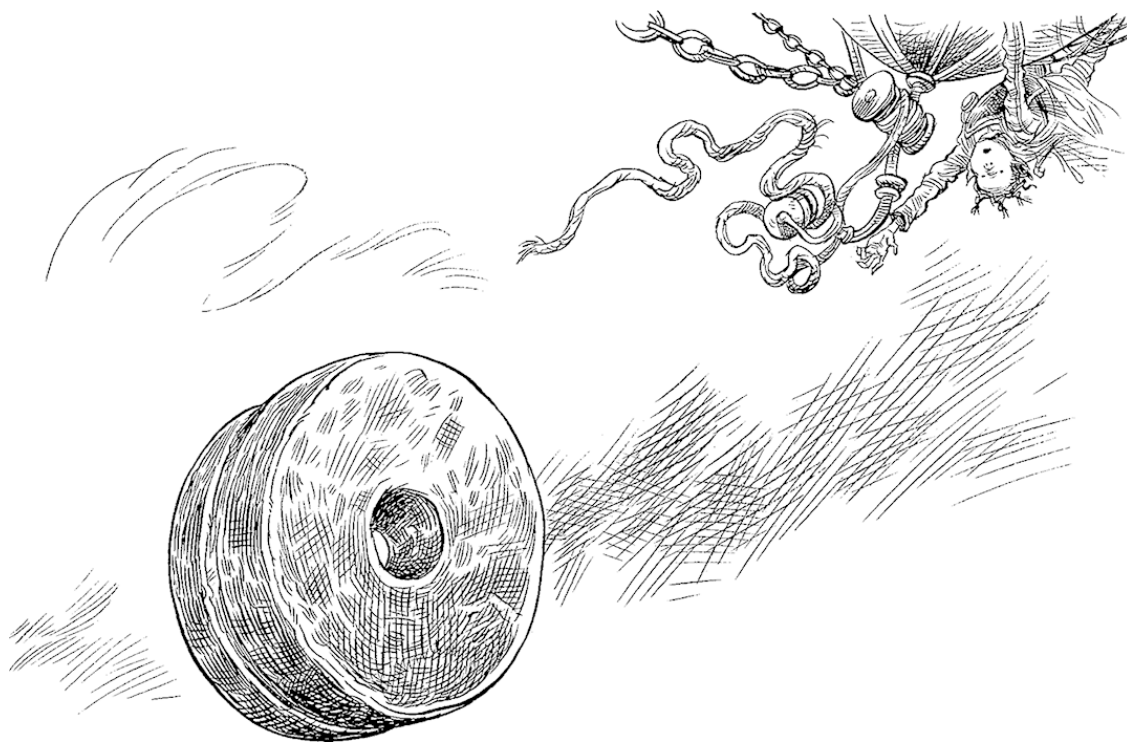
ветер трепал его волосы, и пальцы занемели. Но теперь он уже видел кормовой противовес, который запутался в просмоленном тросе.

Прутик продолжал ползти, подбадривая себя: «Ну еще немного. Еще чуть-чуть».

– Как ты? – услышал Прутик голос отца.

– Уже рядом! – откликнулся он.

– Корабль Лиги сзади на сто шагов, и он приближается! – донеслись до него слова Колючки.

Дрожа от волнения, Прутик прополз еще и с трудом потянул за трос. Противовес должен висеть свободно. Если только он сможет... Он продвинулся еще немного вперед и потянул за огромный узел. Неожиданно тот поддался, противовес качнулся... и оторвался совсем! Прутик замер в ужасе, когда огромный металлический диск полетел вниз – в лес, над которым парил «Громобой».

– Что ты делаешь?! – прогремел гневный голос Облачного Волка.

– Я... Я... – начал было Прутик. Воздушный корабль закачался из стороны в сторону, перекачиваясь с правого борта на левый, полностью выйдя из-под контроля. Прутик продолжал висеть вниз головой, вцепившись в паутину тросов. Что же он сделал?

– Ты всего-навсего взял да и отцепил рулевой диск! – воскликнул Облачный Волк. – А я-то думал, что на борту только один болван – Окурочек!

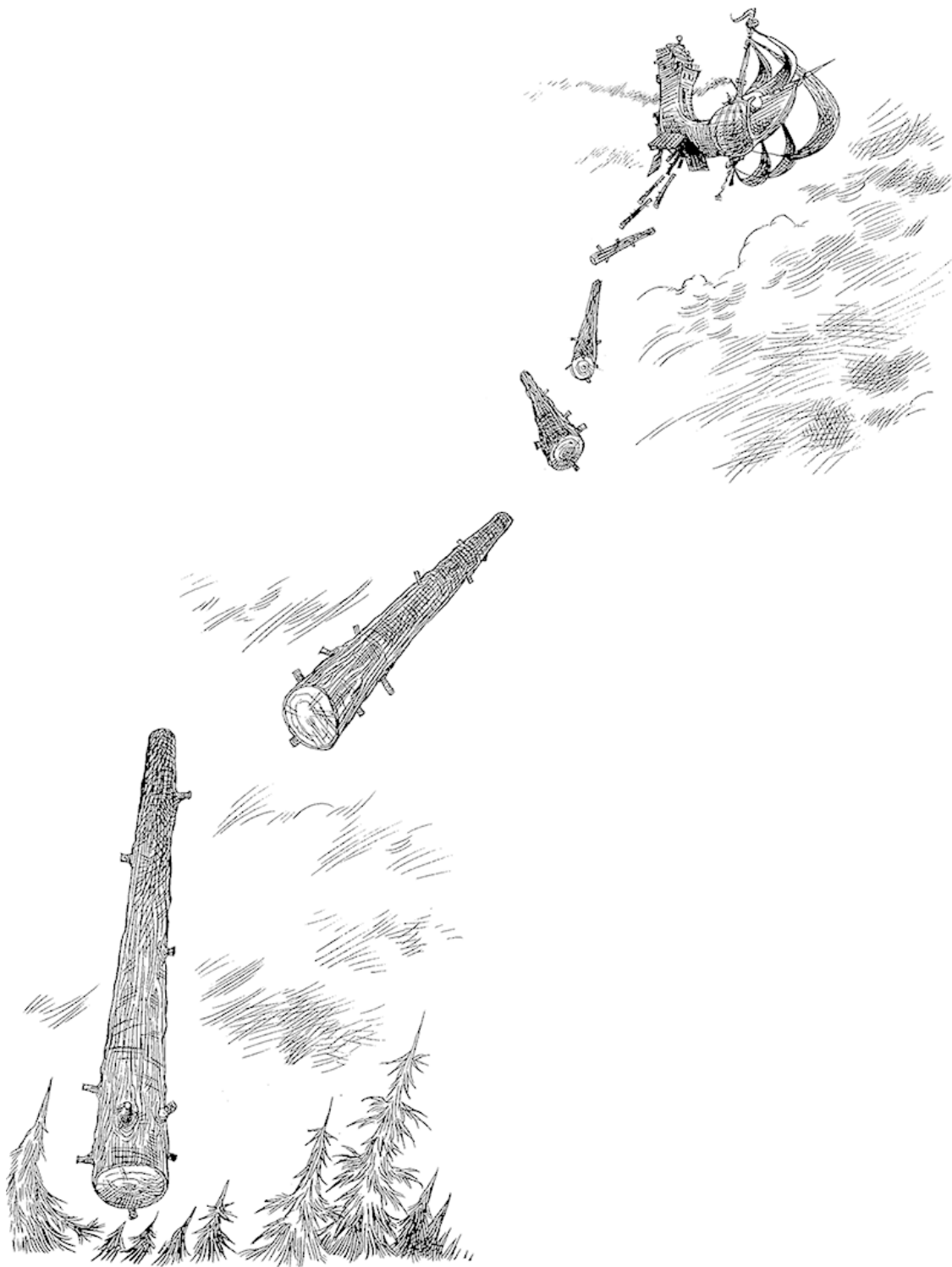
Прутик задрожал от стыда. Глаза наполнились жгучими слезами – слезами, которые он не мог даже утереть. «А впрочем, – с тоской подумал он, – не лучше ли просто-напросто отпустить руки и исчезнуть? Что угодно, лишь бы не видеть гнева отца!»

– Прутик! Ты меня слышишь, парень? – раздался другой голос, Это был Тем Кородер. – Мы собираемся выбросить груз. Это значит, будут открыты двери трюма. Тебе бы лучше побыстрее убраться оттуда.

Выбросить груз! У Прутика упало сердце и слезы потекли пуще прежнего. Железный лес, на приобретение которого ушло столько сил – и денег, – придется выбросить! И все из-за него!

– Давай! – гаркнул Тем.

Прутик стал карабкаться в обратном направлении, лихорадочно работая руками и ногами, пока вновь не очутился у леерного ограждения. Он поднял голову – Тем Кородер протягивал ему свою здоровенную ручищу. Прутик с благодарностью схватился за нее и охнул, когда его втянули на палубу.

– Есть, капитан! – крикнул Тем.

– Открыть трюм! – скомандовал Облачный Волк.

– Есть, капитан! – ответил Железная Челюсть откуда-то снизу. Затем из недр корабля донеслось лязганье цепей, за которым последовал гулкий грохот – бум-бум-бум!

Это был грохот бревен, которые выкатывались одно за другим из трюма. Прутик выглянул за борт. Странное зрелище: бревна летели обратно, в лес – туда, откуда пришли.

Тем временем корабль Лиги прекратил преследование и устремился вниз за упавшими бревнами: не стоило пренебрегать таким богатым подарком! Странствие Прутика было полным и безутешным – потеря пиратов оказалась приобретением Лиги!

– Разве мы не можем спуститься и сразиться с ними? – спросил он. – Я не боюсь!

Облачный Волк бросил на него уничтожающий взгляд:

– У нас нет рулевого диска. Корабль неуправляем. Мы держимся на лету только за счет летучего камня. – Он отвернулся и крикнул: – Поднять грот-шкот! Выровнять... и молиться. Молиться так, как не молились никогда прежде. Внезапный шквал – и наши потери не ограничатся одним грузом. Мы потеряем сам корабль!

Никто не произнес ни слова за то время, пока небесный корабль тащился до Нижнего Города. Это был самый медленный и напряженный перелет из всех, в которых когда-либо участвовал Прутик. Уже наступила темнота, когда вдали показались неяркие огни Санкта-фракса. Под ними на улицах Нижнего Города, затянутых облаками дыма, бурлила жизнь. А на корабле царило молчаливое уныние. Прутик чувствовал себя скверно. Было бы лучше, если бы небесные пираты поносили и ругали его, обзывая последними словами, – все что угодно, только не это убийственное молчание.

Вокруг сновали патрульные катера, но никто не обращал внимания на искалеченный небесный корабль, направлявшийся в док. Понятное дело, что экипажу было нечего прятать, если двери трюма висели открытыми.

Облачный Волк довел «Громобой» до его тайного причала, Железная Челюсть выкинул якорь, а Колючка спрыгнул на пирс, чтобы прикрепить тросы к швартовочным кольцам.

– Неподражаемо, Прутик! – прошипел Хитрован, проходя мимо. Прутик вздрогнул, но ничего другого и не следовало ожидать. Хитрован всегда его недолюбливал. Гораздо тяжелее было вынести взгляды остальных. С жалким видом он поплелся к сходням.

– А ты, Прутик, останься! – приказал Облачный Волк.

Прутик замер: теперь пришла очередь наказания! Он повернулся, повесив голову, и ждал. Только когда последний пират покинул корабль, Облачный Волк заговорил:

– Это ж надо дожить до такого дня, когда мой сын – мой собственный сын – чуть не уничтожил небесный корабль!

У Прутика ком стоял в горле, но он не позволил себе расплакаться.

– Прости, – прошептал он.

– Простить? Что толку в прощении? – разбушевался Облачный Волк. – Мы потеряли железный лес, рулевой диск – мы чуть не потеряли сам корабль! И я все еще могу его потерять. – Его глаза метали молнии. – Мне стыдно называть тебя сыном!

Слова наотмашь ударили Прутика.

– Стыдно называть меня сыном? – повторил он и внезапно для себя самого перешел в наступление. – Что же, для меня в этом нет ничего нового!

– Да как ты смеешь?! – Облачный Волк побагровел.

Но Прутик посмел.

– Ты никогда ни перед кем и не признавался, что я – твой сын, – продолжал он. – Значит ли это, что ты всегда меня стыдился – стыдился с того самого момента, как мы нашли друг друга? Так ведь? Скажи, и я уйду.

Облачный Волк молчал. Прутик повернулся, чтобы уйти.

– Прутик! – окликнул его отец. – Подожди! – Прутик остановился. – Повернись и посмотри на меня, мальчик, – сказал Облачный Волк.

Прутик медленно повернулся и дерзко взглянул на отца.

Тот ответил ему неожиданно теплым взглядом.

– Ты правильно сказал. Никто на борту корабля не знает, кто ты на самом деле. Но, Прутик, и в нашей команде найдутся такие, кто воспользуется любой возможностью поднять мятеж и завладеть кораблем. И если они узнают, что ты... – Облачный Волк замолчал. – Как ты дорог мне, ибо ты *очень* мне дорог, Прутик! Ты должен помнить об этом.

Прутик кивнул и шмыгнул носом. Комок опять подкатил к горлу.

– Если бы они узнали наш секрет, то это подвергло бы твою жизнь самой серьезной опасности.

Прутик опустил голову. Как только он мог сомневаться в чувствах отца? Теперь должно быть стыдно ему! Мальчик поднял глаза и робко улыбнулся:

– Можно мне тогда остаться?

Облачный Волк озабоченно нахмурился:

– Я именно это и имел в виду, когда сказал, что еще могу потерять «Громобой».

– Но как? – удивился Прутик. – Это же твой корабль!

Облачный Волк хмыкнул.

– Содержать небесный корабль стоит очень дорого, – объяснил он. – Во что обходится только одна борьба с жуками-древоточцами! «Громобой» в долгах по самый кончик своей прекрасной мачты. Я рассчитывал на железный лес, чтобы выплатить хотя бы часть денег, которые должен. – Капитан вздохнул. – Нет, если кто и владеет кораблем, так это Мамаша Твердопух. Ведь это она ссудила нам деньги и получает большую часть выручки от каждого рейса, – сердито добавил он. – А теперь, когда я не в состоянии расплатиться, она может преспокойно забрать то, что по праву принадлежит ей.

Прутик был потрясен:

– Но она не станет так поступать!

– О, еще как станет, – усмехнулся Облачный Волк, – Более того, она, вполне вероятно, сделает так, чтобы я нигде больше не смог получить кредит. А что такое капитан воздушных пиратов без воздушного корабля, Прутик? Ну? Я тебе отвечаю – ничто!

Прутик отвернулся в полном смятении. Его отцу, когда-то лучшему Рыцарю-Академику Санктафракса, а теперь величайшему небесному пирату Края, грозит позор и бесчестье. И винить в этом надо его. Прутика. Это целиком его вина.

– Я...

– Только, пожалуйста, не извиняйся снова, – перебил его Облачный Волк. – Давай-ка пойдем и разберемся с этим делом. Будем надеяться, что сегодня у старой скряги нет очередного припадка жадности. – Шагнув к сходящим, он обернулся. – И когда мы сядем разговаривать с Мамашей Твердопух, будь осторожен не только в словах, но даже и в мыслях. Разрази меня гром, если там у стен нет ушей!

Глава пятая

Таверна «дуб-кровосос»

Скрип-скрип – жалобно поскрипывала на ветру вывеска таверны. Прутик взглянул на нее и, как всегда, вздрогнул. На вывеске, как и следовало ожидать, художник изобразил дуб-кровосос – жуткое хищное дерево. Но изображение было даже чересчур хорошим. Лоснящаяся кора, поблескивающие на свету челюсти – всякий раз, когда Прутик смотрел на это нарисованное дерево, он ощущал вполне реальный омерзительный металлический смрад, исходяемый настоящим дубом-кровососом. Ибо Прутик знал о дубах-кровососах не понаслышке. Однажды, заблудившись в Темных Лесах, он едва не стал жертвой одного представителя этого кровожадного семейства. Дуб-кровосос сожрал бы его живьем, если бы не жилет из шкуры ежеобраза, который оцетинился, ощутив опасность, и встал у монстра поперек глотки. Не раз Прутик задавался вопросом: и как это кому-то пришлось в голову назвать таверну таким мерзким именем?

– Ты всю ночь собираешься тут стоять разинув рот? – нетерпеливо рявкнул на него Облачный Волк. – Заходи!

Когда он открыл дверь, – буф! – из помещения вырвалась волна неукротимой энергии и накрыла его. Жара, шум, свет и сногшибательная смесь из тонких ароматов и жуткой вони. Всякий раз, отворяя эту дверь, Прутик испытывал шок, словно оказался здесь впервые.

Таверна была миниатюрной копией Нижнего Города. Тут были плоскоголовые и молотоголовые гоблины, древесные эльфы, городские гномы, черные и красные карлики, тролли и трогли всех видов и размеров. Тут были члены Лиг и небесные пираты, ремесленники и бродяги, крикуны и драчуны, купцы и торговцы... Стоявшему в дверях казалось, что в Крае нет таких племен или ремесел, представителей которых нельзя встретить в чаду этого зала.

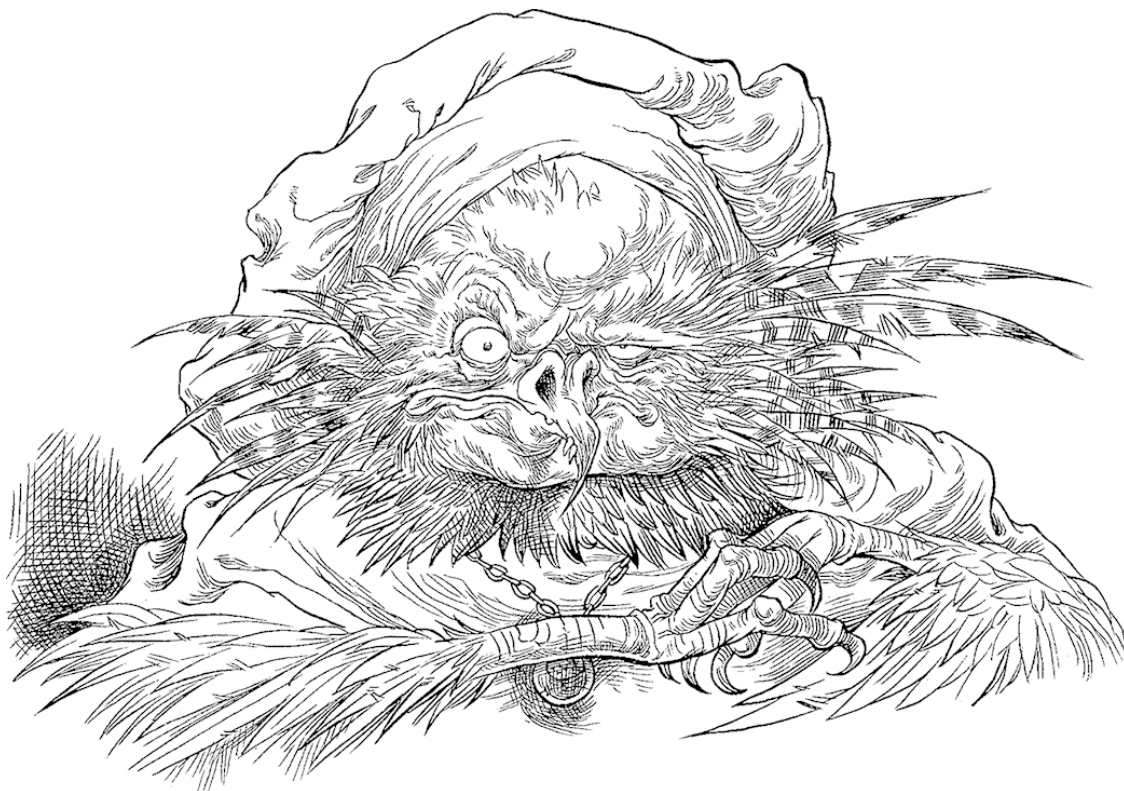
Глыботрог-привратник сразу же узнал Облачного Волка. Он доложил, что Мамаша Твердопух «где-то здесь», и махнул рукой в глубь зала. Следуя сквозь толпу по пятам за отцом, Прутик изо всех сил старался не смахнуть по пути ненароком со стола чью-нибудь кружку. Плоскоголовые славилась вспыльчивостью и могли перерезать горло и за менее значительную провинность, нежели пролитый лесной эль. У Прутика, затертого и сдавленного в море потных взмысленных тел, мелькнула мысль, что в конце концов «Дуб-кровосос» – самое подходящее название для подобного заведения.

Хозяйка таверны стояла у другой двери в конце зала. Она подняла глаза на приближающегося Облачного Волка.

– Мамаша Твердопух, – приветствовал он ее, – надеюсь, вы пребываете в добром здравии и благополучии.

– Да, вашими молитвами, – последовал сдержанный ответ.

Она посмотрела на Прутика и затем бросила вопросительный взгляд на капитана.

– Ах да, – спохватился Облачный Волк. – Это Прутик, Мамаша Твердопух. Я хочу, чтобы он присутствовал при нашей встрече.

Прутику стало не по себе от свирепого взгляда находившейся перед ним хозяйки таверны. Конечно, он видел Мамашу Твердопух и прежде, но только издали. Вблизи же она внушала страх и ужас.

Она была такой же рослой, как и Облачный Волк; у нее были маленькие блестящие желтые глазки, острый кривой клюв и яркое малиновое оперенье на шее. Малиновые перья окаймляли и ее птичьи лапки, и, когда Мамаша Твердопух складывала их на груди, казалось, что она зябко кутается в пурпурно-оранжевую шаль. Прутик поймал себя на том, что сейчас его интересует только одно: покрыто ли все ее тело под широким белым платьем таким же бесподобным оперением.

Подумав так, он услышал, что справа от него кто-то хихикнул. Прутик обернулся. Там, взгромоздившись на высокий стул, сидело хрупкое, почти прозрачное существо, ухмылявшееся от одного огромного уха до другого.

Мамаша Твердопух подняла бровь и угрожающе взглянула на Прутика.

– Это Форфикюль, – произнесла она и, переведя немигающий взгляд на Облачного Волка, добавила: – Он тоже будет присутствовать при нашем разговоре.

Капитан пожал плечами:

– Мне все равно. – И спросил, как будто Форфикюля здесь и не было: – а кто это? Выглядит как коротышка эльф-дубовичок.

Мамаша Твердопух неожиданно щелкнула клювом от удовольствия.

– Он мое маленькое сокровище, – просюсюкала она. – Так ведь, Форфи? – а затем вновь обратилась к гостям: – Что ж, следуйте за мной. В задней комнате разговаривать будет проще и легче. – Сказав это, она обернулась на своих когтистых лапах и исчезла за дверью. Облачный Волк и Прутик последовали за ней, а Форфикюль замкнул шествие.

В комнате было жарко, душно и сыро. И еще пахло гнилью. Когда Прутик занял место за маленьким квадратным столом, он испытал беспокойство. Слева был отец, справа – Мамаша Твердопух, а напротив, закрыв глаза и подрагивая ушками, сидел Форфикюль. Пальцы Прутика ощутили, что шкура ежеобраза на жилетке слегка ошетичилась.

Мамаша Твердопух положила на стол свои чешуйчатые лапы, одна на другую, и улыбнулась Облачному Волку.

– Так-так, – любезно начала она. – Ну вот мы и снова здесь.

– Действительно, – согласился Облачный Волк. – И я не могу не выразить свое восхищение тем, как хорошо выглядите вы сегодня, Мамаша Твердопух, и как вам идет желтый цвет!

– Ах, Волчище, – воскликнула она, охорашиваясь. – Старый ты льстец!

– Но каждое мое слово – правда, – настаивал Облачный Волк.

– А ты, как всегда, неотразим, – с восхищением прокудахла Твердопух.

Прутик взглянул на отца. Это действительно было так. В своем великолепном пиратском костюме с плетеным воротником, галунами и блестящими позолоченными пуговицами Облачный Волк выглядел величественно. И вдруг с внезапной дрожью ему вспомнилось, каким свирепым стало лицо его отца, когда Прутик выпустил штурвал из рук и корабль, падая, закрутило в воздухе; как он ругался, когда железный лес полетел вниз.

Прутик поднял глаза. Форфикюль пристально уставился на него. Будь осторожен в словах и даже в мыслях – вот о чем предупреждал отец. Прутик посмотрел в глаза ночного вэйфа, уши которого трепетали, и его охватила тревога.

– Рулевой диск, да? – услышал он голос Мамашы Твердопух. Ясно, что любезности были окончены. – Это важная деталь.

– Да, – подтвердил Облачный Волк.

– И поэтому дорого стоит?

Облачный Волк кивнул.

– Что же, я думаю, что мы сумеем договориться, – живо сказала Мамаша Твердопух. – Если качество железного леса оправдает мои надежды.

Прутик побледнел. Из-за его глупости «Громобой» никогда больше не поднимется в воздух. В висках у него застучало. И когда Форфикюль наклонился и, прикрыв рот рукой, что-то зашептал на ухо Мамаше Твердопух, ему стало совсем скверно.

Глазки у птицы загорелись.

– Итак, Волчище, – продолжила она, – как ты думаешь, лес оправдает мои надежды? – Она наклонилась вперед и уставилась на него. – Или есть что-то еще, что ты хотел бы мне сообщить? – спросила Мамаша Твердопух неожиданно резким и твердым голосом.

– Сообщить тебе? Я... – Облачный Волк начал теребить повязку на глазу. – То есть... – Он оглянулся на сына. Никогда прежде Прутик не видел своего отца таким уставшим, таким старым.

– Ну? – потребовала Мамаша Твердопух.

– Этот рейс оказался весьма неудачным, – признал Облачный Волк. – Но ничто не может нам помешать в следующий раз...

– Ты, кажется, подзабыл, – бесцеремонно перебила его Твердопух, – что уже должен мне десять тысяч. И это без процентов. Добавь стоимость нового рулевого диска... – Тут она многозначительно замолчала и начала небрежно отряхивать перья. – Так что я не уверена, что следующий вояж состоится.

Прутик весь съежился.

– Во всяком случае, если мы не заключим договор на моих условиях, – лукаво продолжила хозяйка таверны.

Не моргнув глазом, Облачный Волк спросил:

– И каковы же будут эти условия?

Мамаша Твердопух поднялась на свои чешуйчатые ноги и отвернулась, сцепив лапки за спиной. Облачный Волк и Прутик выжидающе смотрели на ее спину. На лице Форфикюля застыла усмешка.

– Мы давно знаем друг друга, Облачный Волк. Ты – меня, а я – тебя, – начала Твердопух. – Несмотря на твои текущие финансовые неудачи, ты все-таки лучший капитан воздушных пиратов. Да и в том, что «Громобой» продырявили древоточцы, вряд ли твоя вина. – Она сделала шаг вперед. – Поэтому именно к тебе я обращаюсь с предложением, которое должно стать величайшим делом твоей жизни. Если ты с ним справишься, то одним росчерком пера все твои долги будут списаны.

Облачный Волк взирал на нее с недоверием:

– А что ты будешь с этого иметь?

– Ах, Волчище, Волчище, – захихикала Мамаша Твердопух. – Ты же меня хорошо знаешь. – Ее глазки-бусинки загорелись. – Это будет потрясающая сделка – вот все, что я могу сказать тебе сейчас.

– Прибереги свои вопросы, пока я не объяснила, в чем дело, – резко оборвала его Твердопух. Она перевела дыхание. – Ко мне обратился П...

Форфикюль громко закашлялся.

– ... ну, скажем... один академик из Санктафракса, – продолжала она. – Он желает раздобыть грозофракс, много грозофракса, и он щедро заплатит за него.

Облачный Волк хмыкнул:

– Если ему нужен грозофракс, то почему бы ему просто-напросто не запустить руку в казну. Как я слышал, в наши дни все кому не лень так и делают.

Мамаша Твердопух невозмутимо его выслушала.

– Именно для восполнения истощенных запасов казны грозофракс и нужен. Слишком много его истратили на изготовление пылефракса, – продолжала она, глядя на серебряный медальон, висевший у нее на шее. – Нельзя сказать, чтобы кто-нибудь достиг в этом успеха,

но если ничего не делать, летучая скала в конце концов порвет цепи и Сантафракс улетит. В Открытое Небо. Навсегда.

– Тыфу ты, – сплюнул Облачный Волк. – Сантафракс! И пускай себе летит!

Мамаша Твердопух раздраженно закудаhtала.

– Сантафракс – это неотъемлемая часть нашей жизни! – огрызнулась она. – Его ученые – это предсказатели погоды, картографы, исследователи туманов и фантомов, прилетающих к нам из-за пределов Края. Это они разгадывают знаки, приносящие порядок в хаос. Без них Нижний Город не смог бы выжить!

– Но...

– И кому, как не тебе, Волчище, это знать.

– Я знаю только, что Сантафракс украл мои лучшие годы, а потом избавился от меня, – произнес Облачный Волк.

У Мамаши Твердопух заблестели глазки.

– Ты чувствуешь себя обманутым – ты до сих пор это помнишь. И ты прав. – Она остановилась, а затем продолжала: – Именно поэтому я и предоставляю тебе возможность отомстить узурпаторам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.